

Влад Генделев

Следователь царской канцелярии
Дмитрий Соболев

ДЕВЯТАЯ ДВЕРЬ

ВОСЕМЬ КЛЮЧЕЙ ВЕРНУЛИСЬ.
ДЕВЯТЫЙ ОТКРОЕТ ДВЕРЬ.

ДЪЛО
ПО КАНЦЕЛЯРИИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Влад Генделев

**Следователь царской канцелярии
Дмитрий Соболев. Девятая дверь.**

«Автор»

2026

Генделев В.

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев. Девятая дверь.
/ В. Генделев — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 1913 год. В запертой комнате находят убитым Павла Тальберга. Рядом с телом лежит старинный ключ, а на стене оставлена загадочная надпись, ведущая к событиям тридцатилетней давности. Расследование приводит статского советника Дмитрия Соболева в заброшенное имение князя Радовича, где когда-то проводились опасные опыты с человеческой памятью. За Девятой дверью пытались лишить человека прошлого и подарить ему чужую жизнь. Но один из участников тех событий, похоже, вернулся. Мокрые следы там, где никто не проходил. Голоса умерших. Серебряный медальон погибшей девушки. Человек в сером пальто, скрывающий правую руку. И девятый ключ, который подходит к двери, не открывавшейся много лет. Соболев привык искать разумное объяснение невозможному. Но на этот раз ему предстоит выяснить не только кто убивает, но и где заканчивается тщательно поставленная мистификация — и начинается то, чему объяснения нет.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ВОСЕМЬ КЛЮЧЕЙ ВЕРНУЛИСЬ	6
ДЕВЯТЫЙ КЛЮЧ	10
МЕДАЛЬОН МЁРТВОЙ	23
КРУГ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ	37
СЛЕДЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО	57
ЛИЦО СОФЫИ	72
ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Влад Генделев
Следователь царской канцелярии
Дмитрий Соболев. Девятая дверь.
ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев

ДЕВЯТАЯ ДВЕРЬ

ПРОЛОГ

ВОСЕМЬ КЛЮЧЕЙ ВЕРНУЛИСЬ

«Иногда дверь становится страшной задолго до того, как человек решится вставить ключ в замок».

Из записок доктора А. Н. Вельского

Санкт-Петербург, февраль 1913 года

Павел Аркадьевич Тальберг отказался от ужина дважды.

В первый раз дворецкий решил, что хозяин просто не голоден. Во второй заметил, что Тальберг даже не посмотрел на серебряный поднос. Он сидел у окна столовой, положив ладони на колени, и слушал ветер.

— Фёдор Иванович, — сказал он наконец, — принесите футляр из нижнего ящика письменного стола.

— Тот самый, Павел Аркадьевич?

Тальберг поднял глаза.

— Если бы у меня было много одинаковых футляров, я бы уточнил.

Дворецкий ушёл и через несколько минут вернулся с плоской шкатулкой тёмного дерева. Тальберг не прикоснулся к ней сразу. Он смотрел на латунную защёлку так, будто боялся не содержимого, а самого движения, которым придётся её открыть.

— Оставьте.

Фёдор Иванович задержался у двери.

— Может быть, всё-таки подать чай?

— Нет. И больше сегодня ко мне не входите, если я сам не позову.

— Хорошо, Павел Аркадьевич.

Дверь закрылась.

Тальберг подождал, пока шаги дворецкого стихнут. Потом подошёл к двери, повернул ключ изнутри и дважды проверил ручку.

Только после этого вернулся к столу.

Футляр открылся с сухим щелчком.

Внутри было девять узких углублений, обитых выцветшим бордовым бархатом.

В восьми лежали старые ключи.

Первый — маленький, почти игрушечный. Второй — длинный, с трёхлепестковой бородкой. Третий почернел от времени. Четвёртый был серебряным. Остальные выглядели обычные, но на головке каждого была выбита цифра.

От одного до восьми.

Девятое углубление пустовало.

Так было тридцать лет...

Тальберг знал это совершенно точно.

Он закрыл глаза.

Ветер ударил в стекло.

Когда-то эти ключи лежали в другом доме. Тогда он был молод и считал, что любой страх можно переждать, если не произносить его вслух. Потом умерла Софья. Потом исчез Вельский. Потом князь Радович заставил всех договориться о том, чего никогда не было.

И футляр остался у Тальберга.

Восемь ключей.

Девятый не нашли.

Тальберг налил воды. Стакан дрогнул в руке.

На внутренней стороне крышки футляра раньше ничего не было.

Теперь была надпись.

Он заметил её не сразу — тонкие буквы, словно процарапанные иглой:

«ВОСЕМЬ ВЕРНУЛИСЬ».

Тальберг замер.

Провёл пальцем по дереву.

Царапины были свежими.

Он резко встал, обошёл столовую, проверил окно. Шпингалет закрыт. Дверь заперта. За тяжёлой портьерой пусто.

— Фёдор Иванович!

Ответа не было.

Он подошёл к двери, но не открыл.

В коридоре послышался слабый металлический звук.

Будто ключ коснулся замочной скважины.

Тальберг отступил.

— Кто там?

Тишина.

Потом женский голос произнёс совсем близко:

— Павел.

Стакан выпал из его руки.

Он знал этот голос.

Не узнать его было невозможно.

— Софья?

За дверью тихо рассмеялись.

Тальберг попятился.

— Не может быть.

— Ты говорил то же самое тогда.

Голос не был громким. Не был даже особенно страшным. Именно поэтому Тальберг почувствовал настоящий ужас. За тридцать лет память изменила лицо Софьи, её походку, даже цвет волос. Но голос сохранила безошибочно.

— Ты умерла.

— Нет, Павел. Умерли другие.

Раздался металлический стук.

Один из ключей в футляре дрогнул.

Тальберг смотрел на него.

Потом дрогнул второй.

Третий.

Они не двигались с места. Только едва слышно касались бархатных стенок своих углублений, словно где-то под столом проходила слабая вибрация.

— Прекратите.

Четвёртый ключ звякнул.

Тальберг схватил футляр обеими руками.

Звон прекратился.

И тогда он услышал шаги.

Не в коридоре.

В столовой.

Позади себя.

Он обернулся.
Никого.
На паркете возле окна блестел мокрый след босой ноги.
Тальберг не дышал.
Рядом появился второй.
Потом третий.
Следы шли к столу.
Не от двери.
Не от окна.
Они начинались посреди комнаты.
Тальберг хотел закричать, но голос не вышел.
— Девятый, — прошептала Софья.
На столе что-то блеснуло.
Тальберг медленно перевёл взгляд.
В пустом девятом углублении футляра лежал ключ.
Он не видел, как тот появился.
Тяжёлый, железный, длиннее остальных.
На головке была цифра 9.
Тальберг отшатнулся.
— Нет.
— Открой дверь, Павел.
— Какую дверь?
И сразу понял, что сказал лишнее.
Потому что ответ знал.
Девятую.
Ту, которую они замуровали.
Ту, о которой тридцать лет не произносили ни слова.
Ту, за которой человек однажды перестал помнить своё имя.
Тальберг бросился к двери столовой.
Ключ в замке не повернулся.
Он дёрнул сильнее.
Ничего.
Снаружи опять послышался женский голос:
— Поздно.
Свет погас.
В темноте Тальберг услышал дыхание.
Чужое.
Совсем рядом.
Потом короткий удар.
И тишину...
Когда Фёдор Иванович через двадцать минут наконец решился нарушить приказ хозяина, дверь пришлось вскрывать.
Павел Тальберг лежал возле стола.
Никакого оружия рядом не было.
Окно оставалось закрытым изнутри.
На паркете виднелись четыре мокрых босых следа, заканчивавшиеся у глухой стены.
На груди мёртвого лежал серебряный медальон.
А в правой руке Тальберг сжимал тяжёлый железный ключ с цифрой 9.
Футляр на столе был открыт.

Восемь старых ключей лежали на своих местах.

Девятое углубление было пустым. На стене над телом кто-то написал кровью:
«ДЕВЯТЫЙ ОТКРОЕТ ДВЕРЬ».

ГЛАВА

I

ДЕВЯТЫЙ КЛЮЧ

«Страх охотно принимает за чудо то, чему разум ещё не успел найти объяснения».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1887 год

Санкт-Петербург, февраль 1913 года

Соболев не любил комнат, которые слишком настойчиво пытались рассказать следователю, что именно в них произошло.

А законченным картинам на месте убийства Соболев не доверял.

Он стоял у порога столовой уже несколько минут и ничего не трогал.

Доктор Климовский, приехавший раньше него, поначалу пытался объяснять увиденное, потом понял, что следователь не слушает, и замолчал.

Соболев медленно перевёл взгляд с тела Павла Аркадьевича Тальберга на стол.

Восемь тарелок.

Именно это несоответствие заинтересовало его больше кровавых букв.

Значит, девятый не был гостем.

Или его место находилось не за столом.

— Где Лебедев? — спросил Соболев.

— Послали за ним, — ответил полицейский чиновник. — Должен скоро приехать.

— Кто входил сюда после того, как выломали дверь?

— Дворецкий, лакей, горничная. Затем городской. Потом я и доктор.

Соболев посмотрел на него.

— Значит, почти никого.

Чиновник понял насмешку.

— Мы старались ничего не трогать, Дмитрий Петрович.

— На месте убийства старание полезно, если начинается до того, как по нему пройдутся пятеро.

Климовский кашлянул.

— Если это относится и ко мне, то у врача имелась уважительная причина. Мне всё-таки следовало установить, жив ваш статский советник или уже нет.

— Установили?

— Сомнений не осталось.

— Тогда займёмся тем, что осталось.

Соболев снял пальто и передал его городовому, но перчатки оставил.

К телу подошёл не напрямую, а вдоль стены, внимательно глядя под ноги.

Мокрые следы действительно были разными. Несколько крупных, мужских; другие заметно меньше. Одни отпечатались отчётливо, с различимыми пальцами и пяткой, другие расплылись по краям. Некоторые уже подсыхали.

Самая странная цепочка начиналась справа от камина.

Маленькая босая ступня.

Вторая.

Третья.

Четвёртая.

Следы вели от стены к столу.

И четыре возвращались обратно.

Последний отпечаток упирался прямо в деревянную панель.

Соболев присел.

— Лампу.

Чиновник подал ему переносную лампу.

Соболев приблизил свет к стене.

Тёмно-зелёные обои с едва заметным золотым рисунком. Деревянная панель внизу. Никаких петель, щелей или следов недавнего ремонта.

Он постучал костяшками пальцев.

Глухо.

Сместился вправо.

Ещё раз.

Тот же звук.

— Что находится с другой стороны?

— Малая гостиная.

— Проверили?

— Осмотрели.

— Это не одно и то же.

Чиновник промолчал.

— Когда придет Лебедев, пусть начнёт с этой стены. Мне нужна её толщина, возможные пустоты, дымоходы, вентиляционные каналы, всё до последнего кирпича. Пол и потолок тоже.

— Вы полагаете, здесь тайный проход?

Соболев выпрямился.

— Пока я полагаю только одно: люди не проходят сквозь кирпичные стены. Если выяснится обратное, придётся менять не версию, а естествознание.

Климовский усмехнулся.

— Вы сегодня необычайно уверены в устройстве мира, Дмитрий Петрович.

— Кто-то из нас должен им оставаться.

Он подошёл к Тальбергу.

Покойный сидел в тяжёлом кресле. Спина почти прямая, голова немного склонена к правому плечу, руки лежат на подлокотниках. Глаза открыты.

На лице застыл страх.

Соболев видел множество мёртвых и давно научился не приписывать выражению лица покойника слишком большого значения. Смерть могла оставить гримасу, не имевшую ничего общего с последними чувствами человека.

Но здесь было трудно отделаться от впечатления, что Тальберг перед смертью увидел нечто такое, чего ждал и всё равно не смог вынести.

— Рана? — спросил Соболев.

Климовский осторожно раздвинул края жилета.

На белой сорочке темнело большое пятно.

— Вот. Узкое лезвие вошло ниже левой ключицы. Направление сверху вниз и немного внутрь.

— Сердце?

— Вероятнее, крупный сосуд. После вскрытия скажу точнее.

Соболев наклонился.

— Для такой раны крови вокруг тела мало.

— Именно.

— Зато на стене много.

Доктор посмотрел на надпись.

ВОСЕМЬ УЖЕ ПРИШЛИ.

ДЕВЯТЫЙ ОТКРОЕТ ДВЕРЬ.

— Значительная её часть там, — сказал Климовский.

Соболев подошёл ближе.

Буквы были крупными, нарочито неровными. Но чем дольше он их рассматривал, тем меньше видел в них беспорядка.

Строки не сползали.

Расстояния между словами сохранялись.

Высота букв была почти одинаковой.

Писавший прекрасно контролировал руку.

— Это не писал умирающий человек.

— Почему?

— Потому что нас слишком старательно убеждают в обратном. Посмотрите. Буквы должны казаться судорожными, а строка идёт ровно. Автор изображал человека, теряющего силы, но забывал, что одновременно следит за расстоянием между словами.

— Значит, убийца?

— Или тот, кто хотел, чтобы мы сразу подумали об убийце.

Климовский посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Вы намерены сомневаться даже в собственных выводах?

— Особенно в собственных.

Соболев обвёл взглядом комнату.

— На что?

— Вот это и предстоит понять.

В дверях появился молодой человек в расстёгнутой шинели.

— Дмитрий Петрович.

Соболев посмотрел на часы.

— Быстро добрались.

Лебедев снял фуражку.

— Извозчик попался хороший. Правда, возле дома уже толпа. Кто-то рассказывает, будто здесь убили троих и у одного не нашли головы.

— К утру убитых станет девять, а головы не найдут ни у кого.

Лебедев хотел улыбнуться, но увидел комнату.

— Сильно постарались, — наконец сказал он.

Соболев посмотрел на помощника с одобрением.

— Именно. Начинайте со стены.

Он показал на цепочку следов.

— За ней малая гостиная. Простучите кладку с обеих сторон, измерьте толщину, проверьте пол, потолок, вентиляцию и дымоходы.

Лебедев присел возле ближайшего отпечатка.

— Следы настоящие?

— Определите.

— Они действительно выходят из стены.

— Они действительно создают такое впечатление. Это не одно и то же.

Лебедев поднялся.

— А если прохода нет?

— Проверите второй раз.

— А после второго?

— Начнёте думать, как оставить след ногой там, куда нога не ступала.

Лебедев кивнул.

— Теперь понятно.

— Потом займитесь прислугой. Кто последним видел Тальберга живым, что он ел, что пил, какие письма получил, кто посещал дом за последние три дня. Время записывайте точно, насколько это возможно.

— Хорошо.

— И найдите серый конверт с цифрой девять.

Лебедев посмотрел на него.

— Мы знаем, что такой был?

— Пока нет.

Соболев указал на камин.

Среди золы виднелся не до конца сгоревший угол плотной сероватой бумаги.

— Но что-то Тальберг сегодня очень хотел уничтожить.

Лебедев подошёл ближе.

— Вытащить?

— После фотографа.

Уже направляясь в соседнюю комнату, он заметил серебряный медальон на тарелке перед первым пустым стулом.

— А это?

— Принадлежало Софье Радович.

— Кто она?

— Девушка, умершая тридцать лет назад.

Лебедев посмотрел сначала на Соболева, потом на медальон.

— Откуда он здесь?

— Хороший вопрос.

— А плохой?

— Почему Тальберг боялся его увидеть?

Лебедев больше ничего не спросил.

Соболев вернулся к доктору.

— Теперь о вашем полудне.

Климовский нахмурился.

— Я уже жалею, что сказал это до вскрытия.

— Поздно. Из-за вас по дому ходит человек, умерший десять часов назад.

— Предварительные признаки действительно указывали на более раннюю смерть.

— Какие?

— Температура тела. Состояние мышц. Начало окоченения. Несколько других вещей.

— Температура в комнате?

— Около семнадцати градусов.

— Окна открывали?

— По словам прислуги, нет.

— Тело могли охлаждать?

Доктор задумался.

— Теоретически.

— Практически?

— Если использовали лёд, холодную воду или некоторые химические вещества. Но тогда должны остаться признаки.

— Ищите.

— Дмитрий Петрович, вскрытие не делается за четверть часа.

— Я никуда не тороплюсь. Торопится, судя по всему, тот, кто это устроил.

Климовский посмотрел на покойного.

— Есть ещё зрачки.

— Что с ними?

— Слишком расширены.

— Наркотик?

— Возможно. Белладонна, атропин, дурман. Не хочу гадать до анализа.

— Они способны вызвать страх?

— Некоторые вещества вызывают возбуждение, спутанность сознания, галлюцинации.

Соболев снова посмотрел на лицо Тальберга.

— Значит, перед смертью он мог увидеть то, чего здесь не было.

— Вполне.

— Это уже интереснее привидения.

— Не уверен, что для покойного была большая разница.

— Для следствия есть.

Соболев вышел в коридор.

Фёдор Иванович ждал возле лестницы.

За прошедшее время дворецкий успел привести себя в порядок. Сюртук застёгнут, волосы приглажены. Только руки, сложенные за спиной, выдавали напряжение: пальцы одной непрерывно сжимали запястье другой.

— Вы служили у Павла Аркадьевича двадцать три года?

— Да.

— Сегодня он боялся?

Фёдор Иванович не стал притворяться.

— Боялся.

— Когда это началось?

— После дневной почты.

— Что пришло?

— Несколько обычных писем. Счёт от поставщика, приглашение, бумаги из министерства. И один конверт.

— Серый?

Дворецкий удивился.

— Да.

— Без обратного адреса?

— Да.

— На нём была цифра девять?

Теперь удивление сменилось настороженностью.

— Была.

— Что находилось внутри?

— Не знаю. Павел Аркадьевич открыл его в кабинете и сразу велел приготовить камин в столовой.

— После этого его поведение изменилось?

— Почти сразу. Он несколько раз спрашивал, заперта ли задняя дверь. Потом приказал проверить окна первого этажа.

— Ещё что-нибудь необычное?

Фёдор Иванович поколебался.

— Около пяти он спустился в винный погреб.

— Это необычно?

— Очень. Обычно туда хожу я или лакей.

— Кто имеет ключ?

— Я и хозяин.

— Ваш при вас?

— Да.

— Ключ Тальберга?

— Должен быть при нём.

— В погреб никто не входит до моего разрешения.

— Разумеется.

Соболев немного помолчал.

— Теперь расскажите о медальоне.

Фёдор Иванович отвёл взгляд.

— Я уже рассказал всё, что помнил.

— Нет. Вы рассказали всё, что решили рассказать.

Дворецкий молчал.

Соболев не торопил его.

Наконец старик произнёс:

— Это случилось лет шестнадцать назад. Может быть, семнадцать. Павел Аркадьевич получил письмо. Тоже без подписи. После него он напился. За все годы службы я видел его таким только один раз.

— В тот вечер?

— Да. Я помогал ему подняться наверх. На лестнице из кармана выпал медальон. Я нагнулся поднять его, но Павел Аркадьевич выхватил вещь у меня из рук.

— И назвал имя Софьи Радович?

— Назвал.

— Вы спросили, кто она?

— Спросил, где она теперь.

Фёдор Иванович замолчал.

— Что ответил Тальберг?

— «Там, куда мы её отправили».

Соболев чуть сузил глаза.

— Именно «мы»?

— Именно.

— Что вы сделали?

— Спросил, что он имеет в виду. Павел Аркадьевич велел забыть услышанное.

— Получилось?

На губах дворецкого появилась слабая, усталая усмешка.

— Есть приказы, которые исполняются хуже других.

— Сегодня имя Софьи он произносил?

— Нет.

— Фамилию Радович?

— Тоже нет.

— А о восьми или девяти говорил?

Фёдор Иванович задумался.

— Один раз. Когда я запирал парадную дверь, он спросил, точно ли закрыты окна. Потом сказал: «Если их восемь, значит, ещё есть время».

— Кого восемь?

— Я спросил.

— Что он ответил?

— «Тех, кто ещё помнит».

Соболев посмотрел в сторону столовой.

Восемь пустых мест.

Тех, кто ещё помнит.

— Кто входил в круг его близких знакомых в молодости?

— У Павла Аркадьевича всегда было много знакомств.

— Меня интересует примерно 1883 год.

— Тогда я ещё не служил в доме.
— Но фамилии могли слышать.
Фёдор Иванович некоторое время вспоминал.
— Александр Павлович Доремецкий. От него раньше приходили письма.
— Ещё.
— Ратманов. Кажется, Всеволод Сергеевич. Эльснер... имени не помню.
— Хорошо. Сядьте и запишите все фамилии, какие вспомните. Не только друзей. Любых людей, которых Павел Аркадьевич связывал с молодостью.
— Сейчас?
— Сейчас.
Фёдор Иванович ушёл.
Из малой гостиной доносился глухой перестук.
Соболев вошёл туда.
Мебель от стены отодвинули. Лебедев работал с молотком и металлическим щупом.
— Что скажете?
— Что призраку придётся искать другой путь.
— Прохода нет?
— Капитальная кирпичная стена. Я промерил с обеих сторон. Толщина сходится. Пустот не слышно. За панелями ничего. Дымоход в противоположной части комнаты. Вентиляционный канал есть, но через него даже ребёнок не пролезет.
— Пол?
— Целый.
— Потолок?
— То же самое.
Соболев провёл ладонью по стене.
— Значит, никто из неё не выходил.
— Получается так.
— Нет, Лебедев. Не «получается». Никто из неё не выходил. Теперь нужно понять, почему мы видим следы человека, который этого не делал.
Они вернулись в столовую.
Соболев присел возле ближайшего отпечатка.
С минуту рассматривал его, затем попросил чистый лист бумаги и положил рядом.
— Что ждём? — спросил Лебедев.
— Пока не знаю.
Ничего не происходило.
Тогда Соболев взял второй лист, слегка смочил его водой из графина и положил рядом с первым.
Через некоторое время по краю мокрого пятна проступил слабый желтоватый оттенок.
Климовский, наблюдавший за ними, подошёл ближе.
— Что вы хотите доказать?
— Пока ничего. Возьмите пробы с разных отпечатков. Отдельно.
— Думаете, это не вода?
— Думаю, что девять человек, разгуливавших босиком по столовой статского советника,
— слишком щедрый подарок следствию.
Через несколько минут прибыл фотограф.
Пока он устанавливал аппарат, Соболев спустился в кабинет Тальберга.
Здесь ничего не напоминало о столовой.
Соболев начал с корреспонденции.
Счёт.

Приглашение.
Бумаги из министерства.
Серого конверта не было.
Он открыл ящики стола.
В одном нашёл записную книжку.
Адреса, фамилии, даты встреч.
Под буквой «Д»:
«Доремецкий Александр Павлович».
Адрес на Сергиевской.
Рядом карандашом:
«Не отвечать».
Под буквой «Р»:
«Ратманов В. С. — Москва».
На полях была ещё одна запись:
«Нас осталось пятеро».
Соболев задержал взгляд.
Перелистнул несколько страниц.
Ближе к концу записной книжки обнаружил запись, сделанную совсем недавно.
12 февраля 1913 года.
«Сегодня получил знак. Значит, он всё-таки жив».
Соболев перечитал фразу.
Он.
Не она.
Следовательно, Тальберг боялся не возвращения Софьи Радович.
По крайней мере, не только его.
Он закрыл записную книжку.
В дверях появился Лебедев.
— Дмитрий Петрович, ключ от погреба нашли в кармане Тальберга.
— А второй?
— У Фёдора Ивановича. Говорит, не выпускал из рук.
— Замок проверили?
— Без повреждений.
— И всё же вы пришли за мной.
Лебедев кивнул.
— Там кое-что есть.
Они спустились в подвальный этаж.
Винный погреб находился в конце узкого коридора. Массивная дверь была окована железом. Фёдор Иванович ждал рядом.
— Я не входил, — сказал он. — Как вы приказали.
Соболев сам открыл дверь ключом Тальберга.
Из погреба пахнуло прохладой, деревом и вином.
Лебедев поднял лампу.
Вдоль стен стояли стеллажи с бутылками. В дальнем углу — небольшой стол.
На столе лежала деревянная коробка. Крышка была открыта.
Внутри красный бархат разделяли восемь одинаковых углублений.
Семь пустовали. В восьмом лежал серебряный медальон. Такой же, как наверху.
Соболев не приблизился сразу.
— Фёдор Иванович, эта коробка принадлежит хозяину?
Дворецкий всмотрелся.

— Я её никогда прежде не видел.

— Тальберг приходил сюда около пяти?

— Да.

— Один?

— Совершенно один.

Соболев подошёл к столу.

На внутренней стороне крышки было написано чернилами:

ВОЗВРАТИТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ.

Лебедев прочитал через его плечо.

— Восемь мест.

— Вижу.

— Значит, было восемь медальонов?

Соболев осмотрел бархат.

Следы от предметов действительно сохранились во всех углублениях.

— Было.

— Один достался Тальбергу.

— Или вернулся к нему.

— А остальные семь?

— Если предназначены другим людям, они уже могли их получить.

Лебедев посмотрел на него.

— Доремецкий?

Соболев закрыл коробку.

— Езжайте к нему.

— Сейчас?

— Немедленно. Сергиевская. Александр Павлович Доремецкий. Не посылайте городского вперёд и не предупреждайте письмом.

— Если он дома?

— Спросите, не получал ли он в последние дни необычного письма, посылки или вещи.

О медальоне сами не упоминайте.

— Если получил?

— Останетесь с ним.

— А сюда?

— Не надо. Если тот, кто убил Тальберга, действительно идёт по списку, безопаснее будет не возить следующего человека по ночному Петербургу.

Лебедев направился к двери.

— И будьте осторожны.

Молодой сыщик обернулся.

— За себя или за Доремецкого?

— На этот раз за обоих.

Когда Лебедев ушёл, Соболев ещё несколько минут стоял перед закрытой коробкой.

Восемь углублений. Семь пустых. Один медальон.

«Если их восемь, значит, ещё есть время».

Тальберг ошибся. Или слишком поздно понял, что отсчёт уже начался.

Наверху было около двух часов ночи, когда Климовский позвал Соболева.

На столе перед доктором стояло несколько небольших стеклянных пробирок.

— Кажется, с вашими призраками возникли затруднения.

— Наконец хорошая новость. Что нашли?

— В большинстве следов действительно вода. Но не во всех.

Климовский поднял одну пробирку.

— Здесь есть примесь. Пока не скажу точно какая, но, вероятно, соединение железа.

— А возле стены?

— Вот там интереснее. В двух последних отпечатках воды почти нет. Вещество нанесено непосредственно на паркет.

Соболев посмотрел на цепочку следов.

— Заранее?

— Полагаю, да.

— И стало видимым позднее?

— Возможно, от влажности, тепла или воздействия другого вещества. Нужен анализ.

Первое чудо оказалось не чудом. И Соболев не почувствовал облегчения.

Напротив. Если следы были приготовлены заранее, значит, человек, устроивший всё это, имел доступ к столовой ещё до убийства.

И знал, где именно будут стоять стол, стулья и тело.

— Определите состав.

— Постараюсь к утру.

Климовский помолчал.

— И ещё одно.

— Время смерти?

Доктор кивнул.

— Я ошибся.

— Насколько?

— Тальберг умер примерно тогда, когда прислуга услышала крик. Около десяти сорока. Возможно, несколькими минутами раньше.

— Значит, вечером он был жив.

— Безусловно.

— Почему тело выглядело так, словно смерть наступила днём?

— Нашёл след укола на бедре. Кроме того, есть признаки действия какого-то вещества.

Оно могло резко изменить кровообращение, температуру тела и мышечный тонус.

— Что именно ему ввели?

— Пока не знаю.

— Это могло вызвать галлюцинации?

— Вполне возможно.

Соболев вспомнил рассказ о девичьем голосе за дверью.

— Значит, человек мог видеть и слышать то, чего в комнате не существовало.

— Мог.

— Сам себе сделал укол?

— Не исключено. Если считал лекарством.

— Или ему помог тот, кому он доверял.

— Да.

Соболев медленно прошёл к столу.

Первое невозможное обстоятельство исчезло. Тальберг не был мёртв днём.

Второе тоже начинало разрушаться. Никто не выходил из стены.

Но вместо двух чудес появились два человека. Тот, кто имел возможность ввести Тальбергу неизвестное вещество. И тот, кто заранее подготовил следы на полу.

Возможно, это был один и тот же человек.

Соболев предпочёл бы, чтобы так оно и оказалось.

Снизу хлопнула парадная дверь.

Через некоторое время в коридоре слышались быстрые шаги.

Лебедев появился в столовой без фуражки. На плечах его шинели таял снег. Он приехал один.

Соболев сразу это заметил.

— Доремецкий?

— Дома.

— Почему вы здесь?

Лебедев перевёл дыхание.

— Потому что оставаться с ним уже незачем.

Соболев медленно повернулся.

— Мёртв?

— Да.

— Когда?

— Пока не знаю. Прислуга видела его около полуночи. Он ушёл в спальню и запер дверь изнутри.

— Вы вскрыли?

— При мне.

— Окна?

— Закрыты. Задвижки изнутри.

— Камин?

— Узкий. Человек не пролезет.

— Другой выход?

— Не нашли.

Соболев взял пальто.

— Причина смерти?

— Не знаю. На первый взгляд крови нет.

— Тогда что вас так встревожило?

Лебедев посмотрел на пустые места за столом.

— Его лицо.

— Что с лицом?

— Оно закрыто маской.

Соболев остановился.

— Какой?

— Гипсовой. Женской.

Климовский поднял голову.

— Посмертной?

— Очень похоже.

Соболев надел перчатки.

— Что-нибудь оставили?

— На зеркале написано.

— Что?

Лебедев ответил:

— «ВТОРОЙ УВИДЕЛ».

В комнате стало тихо.

Соболев застегнул пальто.

— Едем.

Он уже подошёл к двери, но остановился.

— Лебедев, медальон?

— Что?

— Вы спросили Доремецкого, получал ли он что-нибудь необычное?

— Не успел спросить его самого. Спросил камердинера.
— И?
— Вчера утром принесли небольшую коробку.
— Что было внутри?
Лебедев посмотрел на него.
— Серебряный медальон.
Соболев медленно повернулся к столу.
Восемь пустых тарелок.
На первой тарелке лежал медальон Тальберга.
Где-то на Сергиевской находился второй.
Два человека из неизвестного пока списка уже были мертвы.
— Дмитрий Петрович, — негромко сказал Лебедев, — если коробка в погребке действительно означает то, что мы думаем...
— Пока ничего не думаем.
— Но если медальонов восемь...
— Тогда нам нужно найти оставшихся раньше, чем их найдёт тот, кто отправил эти вещи.
Соболев открыл дверь.
Затем почему-то оглянулся.
В комнате никого не осталось, кроме Климовского и мёртвого Тальберга.
Соболев задержал взгляд на одной из них.
— Доктор.
— Да?
— После вашего приезда — нет.
— Вы уверены?
— Совершенно.
Соболев вернулся к столу.
Медальон Тальберга лежал на тарелке.
Теперь он был открыт.
Соболев точно помнил, что прежде крышка была закрыта.
Климовский подошёл ближе.
— Это вы открывали?
— Нет.
— Лебедев?
— Нет.
Внутри медальона находился крошечный потемневший портрет.
Молодая девушка.
Светлое платье. Тёмные волосы. Очень серьёзные глаза.
На внутренней стороне крышки было выгравировано одно имя.
СОФЬЯ.
Соболев долго смотрел на портрет.
Потом закрыл медальон.
— Кто-то его открыл, — сказал Климовский.
— Разумеется.
— Но кто?
Соболев посмотрел на дверь, затем на окна.
— Вот это, доктор, уже правильный вопрос.
Он убрал руку от медальона.
Не дрогнула.
Не затрещала.

Просто погасла.

Остальные восемь продолжали гореть ровно.

Климовский смотрел на тонкую струйку дыма.

— Сквозняк?

Соболев поднял глаза на неподвижные портьеры.

— Возможно.

Через несколько минут они с Лебедевым вышли из дома. Экипаж уже ждал у крыльца.

Пока лошади разворачивались на заснеженной набережной, Соболев смотрел на тёмную громаду особняка Тальберга.

Одно убийство ещё не было расследовано. Второе уже произошло.

Кто-то не просто убивал. Кто-то вёл счёт.

И пока Соболев не понимал главного.

ГЛАВА

II

МЕДАЛЬОН МЁРТВОЙ

«Иногда вещь хранит память дольше человека. И тогда становится опаснее свидетеля».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1888 год

До Сергиевской они добрались быстро.

Снег усилился. В свете фонарей он летел почти горизонтально, бил по окнам экипажа и тут же исчезал во мраке. Петербург этой ночью казался пустым и чужим. Редкие освещённые окна проступали сквозь белую мглу, словно город не спал, а притворялся спящим.

Лебедев сидел напротив Соболева и молчал.

Обычно после первого осмотра он начинал перебирать версии. Иногда слишком поспешно, с горячностью молодого сыщика, которому хочется первым увидеть то, что остальные ещё не заметили. Соболев этого не пресекал. Неверная версия тоже могла быть полезной, если человек умел вовремя от неё отказаться.

Сегодня Лебедев не предлагал ничего.

Соболев заметил это.

— Маска вас задела?

Лебедев поднял глаза.

— Скорее то, как она выглядела.

— А именно?

— Слишком живой.

— Гипс редко бывает живым.

— Я понимаю. Но когда вошёл, на первое мгновение показалось, что на кровати лежит женщина. Я даже не сразу понял, что под маской мужчина.

Соболев чуть прищурился.

— Волосы?

— Да. Настоящие или очень хорошие.

— Вы проверили?

— Нет.

— Тогда пока не настоящие.

Лебедев усмехнулся.

— Иногда вы умеете испортить любую страшную историю.

— Для этого меня и держат.

Экипаж остановился.

Дом Александра Павловича Доремецкого был заметно скромнее особняка Тальберга, но тоже принадлежал человеку обеспеченному: три этажа, тяжёлая парадная дверь, узкий двор, отдельный въезд для экипажей. У крыльца стоял городской.

Внутри пахло воском, мебельной полировкой и крепким табаком.

Камердинер ждал в передней. Мужчина лет сорока пяти, сухой, аккуратный, с лицом человека, для которого происходящее было не только трагедией, но и нарушением давно установленного порядка.

— Вы Дмитрий Петрович Соболев?

— Да.

— Прошу.

Он повёл их наверх.

— Как вас зовут? — спросил Соболев.

— Пётр Матвеевич Суровцев.

— Давно служите у Доремецкого?

— Девятый год.

Соболев отметил число, но ничего не сказал.

— Сегодня хозяин кого-нибудь принимал?

— Нет.

— Вчера?

— Тоже нет.

— Письма, посылки?

Суровцев чуть замедлил шаг.

— Было одно отправление.

— Небольшая коробка?

Камердинер посмотрел на Лебедева.

— Молодой господин уже спрашивал.

— Теперь спрашиваю я. Кто принёс?

— Посыльный.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Возраст?

— Лет двадцать. Может, чуть больше.

— Одежда?

— Тёмная куртка, шапка.

— Лицо?

— Обычное.

— Это самое неудобное лицо для следствия.

Суровцев не понял, шутит ли Соболев.

— Коробку вы открывали?

— Нет.

— Хозяин?

— Да. В кабинете.

— После этого изменился?

Камердинер ответил не сразу.

— Сразу.

Соболев остановился на площадке.

— Как именно?

— Велел никого не впускать. Потом спросил, заперта ли дверь во двор. Через час сам проверил окна. Днём потребовал вина, хотя обычно до ужина не пил.

— Что было в коробке?

— Медальон.

— Серебряный?

— Да.

— Вы его видели?

— Позже. Александр Павлович держал в руке.

— Что-нибудь сказал?

Суровцев сжал губы.

— Один раз спросил, верю ли я, что вещи умеют возвращаться.

— И что вы ответили?

— Что никогда об этом не думал.

— А он?

Камердинер посмотрел вниз, на ступени.

— Сказал: «Зря. Иногда вещи возвращаются раньше людей».

Соболев ничего не ответил.

Слишком похожим было поведение Доремецкого на последние часы Тальберга.
Тот же неожиданный страх.
Те же окна.
Те же запертые двери.
Тот же медальон.
Они поднялись на третий этаж.
Спальня находилась в конце коридора.
Дверь была взломана. Возле замка торчали свежие щепки. Ключ всё ещё находился во внутренней скважине.
Соболев остановился.
— Кто ломал?
— Я и дворник.
— Почему?
— Хозяин не отвечал.
— Когда?
— Около часу ночи.
— Почему вообще решили его беспокоить?
Суровцев посмотрел на него.
— Он позвонил.
— Колокольчик прислуге?
— Да.
— Сколько раз?
— Трижды.
Соболев повернулся к Лебедеву.
Три удара у двери Тальберга.
Три звонка здесь.
Совпадение могло быть случайным.
Но слишком удобным.
— Через какие промежутки? — спросил он.
— Почти подряд.
— Вы сразу поднялись?
— Сразу.
— Звали хозяина?
— Несколько раз.
— Ничего?
— Ничего.
— И сразу взломали дверь?
— Нет.
Суровцев замялся.
— Что произошло потом?
— Мне показалось, что внутри кто-то прошёл.
Лебедев спросил:
— Тяжёлые шаги?
— Нет. Скорее лёгкие.
— Мужские или женские?
Камердинер посмотрел на него.
— Не могу сказать.
Соболев кивнул.
— Вот это хороший ответ.

Они вошли.

Первое, что почувствовал Соболев, — жара.

В спальне было слишком тепло. Печка работала сильно, воздух стал сухим и тяжёлым.

На окнах почти не осталось морозного узора.

Кровать стояла у дальней стены.

На ней лежал Доремецкий.

Руки вытянуты вдоль тела.

Одеяло аккуратно откинута.

Лицо закрыто белой гипсовой маской.

Соболев остановился.

Лебедев не преувеличивал.

Маска действительно производила неприятное впечатление.

Молодое женское лицо.

Закрытые глаза.

Чуть разомкнутые губы.

А по краям гипса тянулись тёмные волосы.

В слабом свете казалось, что женская голова лежит поверх мужского тела.

— Волосы не трогали? — спросил Соболев.

— Нет.

— Маску?

— Тоже.

Он подошёл ближе.

Напротив кровати висело большое зеркало.

На нём чёрными буквами было выведено:

ВТОРОЙ УВИДЕЛ.

Соболев долго смотрел на надпись.

На этот раз не кровь.

Почерк другой.

Но композиция та же.

Убийца опять оставлял не просто след, а послание.

— Что именно увидел второй? — тихо спросил Лебедев.

— Не знаю.

— Софью?

— Возможно.

— Смерть?

— Возможно.

— Тогда надпись относится к тому, что произошло тридцать лет назад.

Соболев посмотрел на него.

— Или убийца хочет, чтобы мы так решили.

Он приблизился к зеркалу.

Порошок на буквах был матовым.

— Похоже на сажу.

— С камина?

— Проверим.

Он вернулся к кровати.

На тумбочке лежали очки, книга, стакан воды и карманные часы.

Соболев взял их через платок.

Часы шли.

— Не остановились, — заметил Лебедев.

— Значит, время смерти нам не подарили.

— Пока.

— Не привыкайте к подаркам убийцы.

Прибыл городской врач, доктор Невельский — невысокий мужчина лет пятидесяти, с усталым лицом и красными от холода руками.

Он осмотрел тело, затем осторожно взял маску за край.

Та не сдвинулась.

— Приклеена.

Соболев нахмурился.

— К коже?

— Похоже.

— Снять сможете?

— Если не торопить.

— Не тороплю.

Невельский смочил края тёплой водой и начал осторожно отделять гипс.

Работа заняла несколько минут.

Когда маска наконец поднялась, лицо Доремецкого оказалось почти спокойным.

Крови не было.

Ран тоже.

Только губы и кожа вокруг них имели слабый синеватый оттенок.

Невельский наклонился.

— Удушье.

— Уверены?

— Пока нет. Но признаки есть.

— Следов на шее нет.

— Значит, душили не руками.

Соболев взял маску.

На внутренней стороне возле ноздрей находились два небольших отверстия.

— Для дыхания?

Доктор приблизил лампу.

— Возможно.

— Тогда зачем приклеивать её к лицу?

Невельский задумался.

— Если через эти отверстия подавали что-то.

Лебедев нахмурился.

— Газ?

— Пары. Эфир. Хлороформ. Что угодно достаточно летучее.

Соболев оглядел кровать.

— Значит, источник должен быть рядом.

Они начали искать.

Под матрасом ничего.

В изголовье тоже.

Лебедев снял подушку и обнаружил тонкую резиновую трубку.

— Дмитрий Петрович.

Соболев подошёл.

Трубка уходила за кровать и исчезала в небольшом отверстии возле плинтуса.

— Куда там?

— Соседний кабинет.

Лебедев посмотрел на него.

— Опять стена.
— На этот раз стена нам помогает.
В кабинете возле той же стены стоял тяжёлый книжный шкаф.
Его отодвинули.
За ним обнаружилась небольшая металлическая дверца вентиляционного канала.
На дне лежал маленький стеклянный сосуд.
Пустой.
Лебедев поднял его через платок и сразу поморщился.
— Сладковатый запах.
— Не вдыхайте, — резко сказал Невельский.
Он осторожно приблизился.
— Похоже на хлороформ.
— Мог убить?
— При достаточной концентрации — да.
Соболев посмотрел в тёмный канал.
— Значит, смерть объяснима.
Лебедев усмехнулся.
— Второе чудо за ночь.
— Нет. Только один способ убийства.
— А маска?
— Её ещё кто-то должен был надеть.
— И приклеить.
— Именно.
Комната оставалась запертой изнутри.
Вот где начиналась настоящая задача.
Они вернулись в спальню.
Соболев тщательно осмотрел окна.
Оба закрыты на внутренние шпингалеты.
Никаких явных следов взлома.
На одном металлическом язычке он заметил тонкую свежую царапину.
— Лебедев.
Тот подошёл.
— Видите?
— Как от проволоки.
— Возможно.
Окно выходило во двор.
Под ним шёл узкий карниз.
Ниже лежал нетронутый снег.
— Если кто-то поднимался снаружи, — сказал Лебедев, — следы должны быть.
— Если поднимался с земли.
— А откуда ещё?
— С крыши. С соседнего окна. По верёвке сверху. Не выбирайте способ до того, как найдёте след.
Соболев закрыл створку.
На тумбочке лежал серебряный медальон.
Такой же, как у Тальберга.
— Камердинер видел его у хозяина? — спросил Соболев.
— Да.
Он осторожно открыл крышку.

Внутри находился портрет той же девушки.

Софьи Радович.

Тёмные волосы.

Серьёзные глаза.

На внутреннем крае медальона была выгравирована цифра:

Соболев замер.

— У Тальберга была единица? — спросил Лебедев.

— Не проверили.

— Значит, убийца нумерует их.

— Похоже.

— Тогда «Второй увидел» — это не просто слова.

— Нет.

Соболев закрыл медальон.

Теперь система становилась яснее.

Тальберг — первый.

Доремецкий — второй.

Следовательно, существовал заранее определённый порядок.

И тот, кто убивал, хотел, чтобы жертвы знали свою очередь.

Они вернулись к Суровцеву.

— Пётр Матвеевич, вы слышали имя Софьи Радович до вчерашнего дня?

Камердинер слишком резко поднял глаза.

— Возможно.

— Это не ответ.

— Да. Слышал.

— От Доремецкого?

— Да.

— Когда?

— Давно.

— При каких обстоятельствах?

Суровцев молчал.

— Он говорил во сне, — наконец произнёс он.

— Что именно?

— Просил прощения.

— У Софьи?

— Полагаю.

— За что?

— Не знаю.

— Какие ещё имена упоминал?

— Павел.

— Тальберг?

— Вероятно.

— Ещё?

Суровцев неохотно ответил:

— Всеволод.

— Ратманов?

— Не знаю.

— Эльснер?

Камердинер замер.

Соболев заметил.

— Вы знаете эту фамилию.

— Слышал.

— От хозяина?

— Да.

— Что он говорил?

Суровцев долго не отвечал.

— Однажды после вина сказал: «Эльснер должен был остановить старика».

— Какого старика?

— Не знаю.

— Сергея Радовича?

— Не знаю.

— Но допускаете.

Суровцев опустил глаза.

— Возможно.

— Что ещё сказал Доремецкий?

— Больше ничего.

Соболев не стал давить.

Пока.

— Найдите все письма хозяина за последний месяц. Ничего не выбрасывать. Особенно конверты без обратного адреса.

— Хорошо.

— На коробке с медальоном была какая-нибудь отметка?

— Была цифра.

— Какая?

— Два.

Лебедев посмотрел на Соболева.

Система окончательно подтверждалась.

Через полчаса Невельский дал предварительное заключение: смерть могла наступить от сильной дозы хлороформа или сходного вещества. Маска служила своеобразной камерой, трубка — каналом подачи паров.

Но это объясняло только смерть.

Не закрытую дверь.

Соболев снова подошёл к замку.

— Ключ был в таком положении?

Лебедев кивнул.

— Да. Горизонтально.

— Сколько оборотов?

— Судя по замку, два.

Соболев попросил тонкую проволоку.

Несколько минут он работал молча, вводя её через широкую скважину снаружи.

Наконец ключ дрогнул.

Лебедев присел рядом.

— Можно зацепить.

— Можно.

— И повернуть?

— Если знаешь, что делаешь.

Соболев потянул.

Ключ медленно сместился.

— Значит, дверь могли запереть снаружи, оставив ключ внутри.

— Да.

— Тогда закрытая комната...

— Никогда не была закрытой комнатой. Только хорошо подготовленной.

Лебедев поднялся.

— Всё проще.

— Нет. Просто мы поняли один механизм.

Соболев посмотрел на шнур колокольчика.

Если Доремецкий находился без сознания или уже умер, кто позвал камердинера?

Он потянул шнур.

Внизу раздался звон.

Они сняли деревянную накладку в месте, где шнур уходил в стену.

За ней обнаружился маленький дополнительный крючок и тонкая почти прозрачная нить.

Она уходила в вентиляционный канал.

Лебедев осторожно вытянул её.

— Тот же путь.

— Да.

— Значит, убийца мог дёрнуть за нить из кабинета.

— Или из другого места, связанного с каналом.

— Чтобы камердинер пришёл к двери.

— И нашёл тело именно тогда, когда требовалось.

Лебедев задумался.

— Зачем ему точное время обнаружения?

Соболев посмотрел на мёртвого Доремецкого.

— Потому что для него убийство — не конец. Это представление. А у представления должен быть зритель.

Он всё яснее видел общую схему.

Доремецкий — женская маска, закрытая спальня, надпись на зеркале.

Мистика различалась.

Принцип оставался тем же.

Каждое убийство должно было сначала казаться невозможным.

И каждое содержало послание.

Не следствию вообще.

Конкретным людям.

Тем, кто понимал смысл.

К рассвету они вернулись на Английскую набережную.

Климовский ещё находился в доме Тальберга.

— Вы снова?

— Нужен медальон.

Доктор показал на тарелку.

— Всё там.

Соболев открыл крышку.

Портрет Софьи.

Провёл пальцем в перчатке по внутреннему краю.

Там, почти скрытая орнаментом, находилась цифра.

Лебедев тихо произнёс:

— Значит, точно.

Первая жертва.

Вторая.

И где-то существовали ещё шесть медальонов.

— Нужно найти список, — сказал Лебедев.

— Список найдём позже.

— Почему позже?

— Потому что убийца уже знает имена. Нам важнее понять, что объединяет этих людей и почему кто-то решил судить их через тридцать лет.

Соболев закрыл медальон.

— Начинаем с Софьи Радович.

Климовский подошёл ближе.

— Вы уверены, что она вообще умерла?

Соболев посмотрел на него.

— Тальберг считал её мёртвой. Доремецкий просил у неё прощения. Для начала достаточно.

— Но это не доказательство смерти.

— Именно поэтому будем искать.

К полудню они сидели в архиве.

Пыль.

Серые папки.

Подшивки старых газет.

Служащий с выражением человека, которого отвлекли от дела значительно более важного, чем два убийства.

Поначалу фамилия Радович встречалась слишком часто.

Военные.

Чиновники.

Дальние родственники.

Но постепенно круг сузился.

Сергей Всеволодович Радович.

Княжеский род.

Усадьба неподалёку от Петербурга.

Дочь Софья, родившаяся в 1866 году.

Лебедев нашёл газетную заметку за март 1883 года.

Он положил подшивку перед Соболевым.

— Вот.

Текст занимал несколько строк.

«В имении князя Сергея Всеволодовича Радовича близ Санкт-Петербурга пропала его семнадцатилетняя дочь Софья Сергеевна. По предварительным сведениям, девушка могла покинуть дом в состоянии душевного расстройства. Поиски продолжаются».

Соболев прочитал дважды.

— Пропала.

— Не умерла.

— Официально — нет.

Через неделю появилась вторая заметка.

Ещё короче.

«Розыски Софьи Радович прекращены по просьбе семьи».

Лебедев нахмурился.

— Это уже странно.

— Очень.

— Если дочь пропала, зачем прекращать поиски?

— Если семья знает, что искать бессмысленно.

Лебедев посмотрел на него.

— Или знает, где она.

— Именно.

Они продолжили.

Через час обнаружили запись в старом полицейском регистрационном журнале.

«17 марта 1883 года. Усадьба князя С. В. Радовича. Сообщение о происшествии. Выезд произведён».

Ниже:

«Материалы переданы по особому распоряжению».

— Кому? — спросил Лебедев.

Графа оставалась пустой.

Соболев провёл пальцем по строке.

— Вот это уже интересно.

— Потому что нет фамилии?

— Потому что фамилию не захотели оставлять.

Архивист, которого попросили найти дело, вернулся с пустыми руками.

— Материалов нет.

— Утрачены?

— Не поступали на хранение.

— Куда переданы?

— В журнале не указано.

— Кто сделал запись?

Архивист наклонился.

— Подпись почти стёрлась.

Соболев взял лупу.

Чернила выцвели.

Различить удалось лишь одну букву.

Б.

Лебедев заметил, как изменился его взгляд.

— Что там?

— Инициал.

— Какой?

— Пока только буква.

— Б?

Соболев закрыл журнал.

— Не делайте выводов из одной буквы.

— А вы делаете?

— Поэтому и не хочу, чтобы делали вы.

Он не любил совпадений, которые слишком рано вели к знакомым именам.

Особенно к тем, чьи фамилии начинались с этой буквы.

К вечеру они нашли фотографию.

Не в полицейском архиве, а в старом светском журнале.

Групповой снимок с благотворительного вечера в доме Радовичей.

В центре стоял князь Сергей Всеволодович.

Рядом — девушка.

Подпись:

«Софья Сергеевна Радович».

Лебедев поднёс журнал к окну.

— Это она.

Соболев сравнил лицо с портретом в медальоне.
Овал.
Линия губ.
Тёмные глаза.
— Очень похоже.
— Не просто похоже.
— В следствии «очень похоже» безопаснее.
Лебедев вздохнул.
— Вам нравится мучить очевидность.
— Очевидность обычно первой и врёт.
Он ещё раз посмотрел на фотографию.
Софья стояла рядом с отцом.
Князь держал руку у неё на плече.
Снимок был обычным, почти семейным.
Но девушка не улыбалась.
И смотрела не в объектив.
Чуть в сторону.
Будто там находился кто-то, кого фотографировать не собирались.
— Дмитрий Петрович.
Лебедев указал на правую часть снимка.
Там стояли молодые мужчины.
Соболев узнал Тальберга.
Молодой, без седины, с тёмными усами.
Рядом — Доремецкий.
Ещё несколько лиц были ему незнакомы.
— Считайте, — сказал Лебедев.
Соболев пересчитал.
Восемь.
Восемь молодых мужчин.
И Софья Радович.
— Вот они, — сказал Лебедев. — Восемь.
Соболев уже собирался отложить журнал, когда заметил зеркало за их спинами.
Большое.
В тяжёлой резной раме.
В отражении находилась ещё одна фигура.
Не лицо.
Даже не человек в полном смысле.
Тёмный вытянутый силуэт между двумя молодыми мужчинами.
Соболев взял лупу.
Перед зеркалом в этом месте никого не стояло.
Лебедев долго молчал.
— Это уже хуже.
— Почему?
— Потому что я не знаю, что сказать.
— Это хороший повод ничего не говорить.
— Там человек.
— Там изображение, похожее на человека.
— А перед зеркалом пусто.
— Возможно, ошибка выдержки. Двойная экспозиция. Повреждение негатива.

— Вы верите в это?

Соболев не ответил сразу.

— Я верю, что фотография не становится привидением только потому, что мы пока не знаем, как она получилась.

Лебедев снова посмотрел на снимок.

— Восемь людей перед зеркалом.

— Да.

— И девятый в отражении.

Соболев закрыл журнал, но ладонь оставил на обложке.

Восемь медальонов.

Восемь молодых мужчин.

И девятая фигура.

Число начинало повторяться слишком настойчиво.

— Нам нужен оригинал фотографии, — сказал Соболев.

— Думаете, в журнале дефект печати?

— Узнаем.

— И список этих восьмерых.

— Да.

— А девятый?

Соболев посмотрел на потемневшую фотографию.

— Если он был человеком, найдём имя.

— А если нет?

Соболев поднялся.

— Тогда, Лебедев, придётся признать, что доктор Климовский слишком рано отказался пересматривать устройство мира.

Он надел пальто.

Лебедев ещё раз взглянул на зеркало.

— Куда теперь?

— Домой.

Помощник удивился.

— Домой?

— Уже вечер.

— Но дело...

— Дело никуда не денется.

Соболев застегнул пальто.

— А человек, который двое суток не спит, начинает видеть девятых людей даже там, где их действительно нет.

Лебедев усмехнулся.

— Значит, до утра?

— До восьми.

— А если убийца не отдыхает?

Соболев задержался у двери.

— Убийца как раз отдыхает.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он уже сделал то, что хотел. Мы нашли второго. Увидели маску. Прочитали надпись. Нашли цифру. Теперь ему нужно, чтобы мы начали думать о третьем.

Лебедев помрачнел.

— И мы начали.

— Да.

Они вышли из архива.
На улице уже темнело.
Снег почти перестал.

Город медленно возвращался к обычной жизни: зажигались окна, проезжали экипажи, где-то звонили церковные колокола.

Соболев ехал домой один.

В квартире было тихо.

Он снял пальто, прошёл в кабинет и только там почувствовал, насколько устал.

На письменном столе лежали старые карманные часы, которые он разбирал уже несколько вечеров подряд. Рядом — маленькая отвёртка, лупа и несколько крошечных винтов, аккуратно сложенных на блюдце.

Соболев сел.

Несколько минут просто смотрел на механизм.

В вещах ему нравилось одно: если часы не шли, причина существовала.

Сломанная пружина. Изношенная шестерня. Погнутый зубец.

Не проклятие. Не память мёртвых. Не женщина, исчезнувшая тридцать лет назад.

Он взял лупу.

Попытался поставить на место пружину. Не получилось. Попробовал снова.

Через несколько минут отложил инструмент.

Перед глазами стояла фотография. Восемь мужчин. Зеркало. Девятая фигура.

Соболев поднялся и подошёл к окну.

Во дворе лежал свежий снег. Никого. Он уже хотел задвинуть штору, когда заметил следы.

Одна цепочка. От ворот к дому. Небольшие отпечатки.

Человек прошёл по снегу босиком.

Соболев долго смотрел вниз. Потом быстро надел пальто и спустился во двор.

Следы были настоящими. Он присел возле ближайшего. Небольшая нога. Узкая пятка.

Почти такая же, как в столовой Тальберга.

Цепочка шла от ворот через весь двор. И заканчивалась прямо под окном его кабинета.

Обратных следов не было...

ГЛАВА

III

КРУГ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

«Самая страшная тайна начинается не тогда, когда один человек лжёт. Она начинается, когда девять человек договариваются помнить одно и то же».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1889 год

Соболев стоял посреди двора и смотрел на собственное окно.

Лампа в кабинете горела.

Больше снизу разглядеть было невозможно.

За стеклом угадывался только светлый прямоугольник комнаты, край портьеры и тёмная линия оконной рамы. Всё остальное скрывали расстояние, снег и отражение фонаря во дворе.

Но следы были перед ним.

Небольшие отпечатки босых ног тянулись от ворот через двор и заканчивались прямо под окном его кабинета.

Обратных следов не было.

Соболев медленно пошёл вдоль цепочки.

Он не торопился.

Первый отпечаток оказался почти у стены дома. Второй — на расстоянии обычного шага. Третий немного левее.

С виду всё выглядело убедительно.

Слишком убедительно.

Соболев присел.

Свежий снег лежал рыхло, однако след был неглубоким. Человек, прошедший босиком по такому снегу, должен был продавить его сильнее, особенно пяткой. Здесь поверхность словно только примяли сверху.

Он проверил следующий отпечаток.

Та же глубина.

Ещё один.

То же самое.

Пальцы, свод стопы, пятка — всё повторялось почти идеально.

Соболев провёл пальцем рядом со следом.

Снег рассыпался.

Свежий.

Но форма отпечатка оставалась слишком правильной.

Он дошёл до ворот.

И там остановился.

Цепочка не начиналась у калитки.

Первый след находился примерно в двух шагах от неё.

Перед ним лежал совершенно нетронутый снег.

Будто тот, кто оставил отпечатки, появился посреди двора.

Соболев поднял голову.

Нет.

Не появился.

Следы сделали.

Так же, как в столовой Тальберга.

Только теперь человек, устроивший представление, пришёл к нему домой.

Эта мысль не испугала Соболева.

Разозлила.

Он повернулся к дому.

Трёхэтажное здание было старым, с парадной и чёрной лестницей. Его квартира занимала часть второго этажа. На нижнем жил отставной чиновник с женой, выше — вдова купца с двумя дочерьми. Постороннему здесь было трудно остаться незамеченным.

Трудно.

Но не невозможно.

Соболев поднялся по лестнице.

Перед дверью квартиры остановился.

Замок не повреждён.

Дверь закрыта.

Он достал револьвер, вставил ключ и повернул.

Замок открылся легко.

Соболев не вошёл сразу.

В прихожей было тихо.

Из кабинета падал свет.

Он помнил, что оставил лампу зажжённой.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

Соболев прошёл внутрь.

Гостиная.

Пусто.

Спальня.

Никого.

Кухня.

Кладовая.

Комната для прислуги.

Тоже пусто.

Последним оставался кабинет.

Соболев остановился на пороге.

Сначала ничего необычного не заметил.

Письменный стол.

Старые карманные часы, которые он разбирал перед тем, как увидел следы во дворе.

Лупа.

Небольшая отвёртка.

Блюдце с винтами.

И только приблизившись к столу, Соболев увидел предмет, лежавший прямо под лампой.

Серебряный медальон.

Он остановился.

Точно такой же формы, как у Тальберга.

Как тот, который нашли у Доремецкого.

Рядом лежал сложенный пополам лист бумаги.

Соболев медленно оглядел комнату.

Окно закрыто изнутри.

Форточка тоже.

На подоконнике ни снега, ни грязи.

Паркет сухой.

Никаких босых следов.

Он вернулся к входной двери и внимательно осмотрел замок.

На металле возле скважины тянулась тонкая свежая царапина.

Соболев едва заметно усмехнулся.

Отмычка.
Вот уже лучше.
Человек вошёл через дверь.
Следовательно, и всё остальное было делом человека.
По крайней мере здесь.
Он вернулся к столу.
Развернул записку пинцетом.
На ней было написано:
«ВЫ НЕ ДЕВЯТЫЙ. ПОКА ИЩИТЕ».
Соболев перечитал.
Слово «пока» раздражало.
Оно превращало фразу из сообщения в предупреждение.
Он не девятый сейчас.
Но станет?
Или убийца хотел сказать не это?
Соболев не позволил себе гадать.
Открыл медальон через платок.
Внутри портрета Софьи не было.
Только чёрный бархат.
На внутренней стороне крышки выгравирована буква:
С.
Он перевернул медальон.
На обратной стороне обнаружилась ещё одна надпись:
«НАЙДИТЕ ТРЕТЬЕГО».
Соболев долго смотрел на слова.
Убийца не скрывался от следствия.
Он разговаривал с ним.
Более того — давал распоряжения.
Тальберг и Доремецкий были жертвами.
Соболеву отводилась другая роль.
Зрителя.

Человека, который должен идти следом и всегда опаздывать ровно настолько, чтобы увидеть очередную сцену.

Это нравилось ему ещё меньше.

Он завернул медальон и вызвал дворника.

Иван Кузьмич появился через несколько минут — сонный, в накинутом поверх рубахи полушубке.

— Кто входил в дом за последний час?

— Да вроде никого чужого, Дмитрий Петрович.

— Иван Кузьмич, «вроде» мне не подходит.

Дворник задумался.

— Девушка была.

Соболев не изменился в лице.

— Какая?

— Молодая. В сером пальто. Платок тёмный.

— Лицо видели?

— Не очень. Снег шёл, она платком прикрывалась.

— Что сказала?

— Что письмо несёт вам.

- От кого?
- От Канцелярии.
- И вы впустили?
- Вы уже дома были. Я и подумал...
- Поднималась сюда?
- Да.
- Как долго оставалась?
- Не знаю.
- Почему?
- У третьего номера экипаж приехал. Пришлось во двор выйти.
- Видели, как она спустилась?
- Нет.

Соболев немного помолчал.

- Обувь на ней какая была?

Дворник моргнул.

- Обувь?
- Ботинки? Сапоги?
- Чёрные ботинки. Обычные.
- Уверены?
- Конечно. В такую стужу кто же босиком ходит?
- Хороший вопрос.

Соболев отпустил его.

Итак, женщина существовала.

Она была обута.

В квартиру вошла отмычкой.

Следы во дворе сделали отдельно.

Ничего сверхъестественного.

Пока.

Оставался другой вопрос.

Откуда она знала, что Соболев вернулся домой?

И как узнала, что он почти сразу спустится во двор, оставив кабинет пустым?

Возможно, за домом наблюдали.

Значит, следили уже не первый час.

Соболев подошёл к окну.

Во дворе никого не было.

Следы постепенно заносило снегом.

Он задвинул портьеру.

До утра почти не спал.

Медальон убрал в отдельный запираемый ящик. Записку положил в конверт. Несколько раз возвращался к последовательности событий.

Женщина вошла в дом.

Открыла дверь отмычкой.

Оставила медальон.

Вышла, пока дворник был занят.

Следы во дворе могли появиться как до её прихода, так и после.

Если их сделали заранее, кто-то рассчитывал, что Соболев посмотрит из окна.

Если позднее — следили за ним.

В обоих случаях подготовка была точной.

Очень точной.

Утром Лебедев приехал в Канцелярию без нескольких минут восемь.
Соболев уже сидел за столом.

Перед ним лежали записка и медальон.

Лебедев снял шинель.

— Вы сегодня спали?

— Это теперь часть расследования?

— По вашему виду — да.

— Тогда можете записать: ночь прошла удовлетворительно.

— Значит, не спали.

Соболев указал на стул.

— Садитесь.

Лебедев заметил медальон.

— Третий?

— Нет.

— Тогда откуда?

— Из моего кабинета.

Улыбка исчезла.

— Дома?

— Да.

Соболев передал записку.

Лебедев прочитал.

— Кто вошёл?

— Молодая женщина. Серое пальто, тёмный платок. Представилась посыльной Канцелярии.

— Вы её видели?

— Нет.

— Дверь?

— Отмычка.

Лебедев немного расслабился.

— Значит, человек.

— На это похоже.

— Следы?

Соболев рассказал.

Лебедев слушал внимательно.

— Такие же, как у Тальберга?

— По размеру похожи. Но в снег не вдавлены нормально. Скорее штамп.

— Из чего?

— Вот и выясните.

Лебедев взял медальон через платок.

— Цифры нет.

— Есть буква.

— «С».

— Да.

— Софья?

— Возможно.

— Или фамилия третьего.

— Возможно.

Лебедев перевернул медальон.

— «Найдите третьего». Он нас ведёт.

- Он нас направляет.
- Разница?
- Большая. Человек, убивший двоих, не стал помогать следствию из вежливости. Он хочет, чтобы мы двигались по его порядку.
- А если третий действительно в опасности?
- Найдём. Но сначала поймём, кого он считает третьим.
- Лебедев кивнул.
- Фотографией я занимался.
- Что выяснили?
- Снимок из журнала сохранился только в печати. Негатив, по словам редакции, утрачен. Фотографа звали Феликс Адольфович Норден. Он умер восемь лет назад. Часть архива забрал племянник.
- Адрес?
- Васильевский остров.
- Потом. Сейчас список.
- На столе лежала копия фотографии.
- Восемь молодых мужчин.
- Софья Радович.
- И тёмная фигура в зеркале.
- Соболев коснулся снимка.
- Тальберга и Доремецкого мы знаем. Ратманов и Эльснер уже всплыли. Остальных нужно определить.
- А девятый?
- Не торопитесь.
- Он на фотографии.
- На фотографии изображение. Кто именно там изображён, пока неизвестно.
- Вы сегодня особенно осторожны.
- Убийца слишком любит число девять. Поэтому я ему не доверяю.
- Они снова отправились в архив.
- Теперь искали людей.
- Светские хроники, университетские списки, служебные справочники, адресные книги.
- Первым нашёлся Густав Карлович Эльснер.
- В 1883 году ему было двадцать пять лет. Молодой врач, недавно окончивший Медико-хирургическую академию. Позже служил в больницах и перешёл к частной практике.
- Жив? — спросил Соболев.
- Архивист проверил блокнот.
- В прошлом году значился на Кирочной.
- Лебедев записал.
- Всеволод Сергеевич Ратманов оказался бывшим гвардейским офицером, сыном крупного помещика. После отставки жил то в Москве, то за границей.
- Третье неизвестное лицо определили по университетскому альманаху.
- Платон Андреевич Светозаров.
- В молодости изучал право, затем служил в Министерстве государственных имуществ.
- Лебедев сразу посмотрел на Соболева.
- «С».
- Вижу.
- Значит, третий.
- Значит, фамилия начинается на «С». Пока только это.

Следующим оказался Константин Юльевич Фаренгоф — инженер, специалист по гидротехническим сооружениям.

Николай Львович Каменорский — профессор естественных наук.

Андрей Фомич Гревницкий — чиновник Министерства юстиции.

Восьмого мужчину определить не удалось.

К полудню перед Соболевым лежал список:

Павел Аркадьевич Тальберг.

Александр Павлович Доремецкий.

Всеволод Сергеевич Ратманов.

Густав Карлович Эльснер.

Платон Андреевич Светозаров.

Константин Юльевич Фаренгоф.

Николай Львович Каменорский.

Восьмая строка оставалась пустой.

Лебедев постучал карандашом по столу.

— Семь известных мужчин.

— Да.

— Софья восьмая.

— Если она входила в их компанию.

— А фигура в зеркале — девятая.

Соболев покачал головой.

— Слишком удобная арифметика.

— Но число сходится.

— Именно поэтому я хочу сначала понять, что мы считаем.

Им удалось найти ещё одну фотографию.

Зимний вечер в усадьбе Радовичей.

Семь молодых мужчин возле камина.

Софьи на снимке не было.

На нижнем поле карандашом написано:

«Круг. Январь 1883».

Лебедев подвинул фотографию.

— Вот и Круг.

— Пока только название.

Соболев перевернул карточку.

На обороте другим почерком:

«После шестого осталось три».

— Три до чего? — спросил Лебедев.

— Вероятно, до девятого.

— Девять собраний?

— Возможно.

— Тогда число девять относится не к людям.

— Уже лучше.

Лебедев посмотрел на него.

— Но убийца нумерует людей.

— Значит, он соединяет несколько старых вещей в одну систему.

На фотографии висело то же зеркало.

На этот раз никакой лишней фигуры в отражении не было.

Соболев отметил это отдельно.

К трём часам пришло подтверждение.

Платон Андреевич Светозаров был жив.
И жил на Петроградской стороне.
— Едем? — спросил Лебедев.
— Да.
Дом Светозарова оказался небольшим особняком за железной оградой.
У ворот стояли два городских.
Соболев нахмурился ещё в экипаже.
— Нас опередили.
— Или он сам догадался.
Их встретил управляющий — Семён Маркович Веденяпин.
— Господин Соболев?
— Да.
— Платон Андреевич ждёт вас.
— Почему?
— Он сказал, что вы поймёте.
— Городовых вызвал он?
— Да. С утра.
— Что случилось?
Веденяпин понизил голос.
— У ворот нашли коробку.
Соболев посмотрел на Лебедева.
— Медальон?
Управляющий побледнел.
— Значит, вы знаете.
— Где Светозаров?
— В кабинете. С ним двое слуг. Он приказал не оставлять его одного.
Платон Андреевич оказался худым стариком с почти белыми волосами и острым взглядом. Он сидел возле камина, укутав ноги пледом, но при появлении Соболева сразу поднялся.
— Наконец.
— Вы ждали именно меня?
— После смерти Павла и Александра — да.
— Покажите, что получили.
Светозаров подошёл к письменному столу.
На нём стояла маленькая деревянная коробка.
На крышке выжжена цифра:
Он открыл.
Внутри лежал серебряный медальон.
Соболев взял его через платок.
Портрет Софьи.
На ободке цифра три.
Под портретом белела сложенная полоска бумаги.
Соболев вынул её.
Развернул.
«ТРЕТИЙ ВСПОМНИТ ВОДУ».
Светозаров побледнел.
Соболев сразу это увидел.
— Что означает вода?
— Ничего.
— Тогда почему вы так изменились в лице?

— Потому что мне угрожают.
— Не вообще. Конкретно водой.
Светозаров отвернулся.
— Я попросил защиты.
— И получите её. Но сначала расскажете, от чего вас защищать.
— Меня хотят убить.
— Кто?
— Не знаю.
— За что?
— Не знаю.
— Что произошло с Софьей Радович?
Старик резко повернулся.
— Причём здесь она?
— При том, что её портрет лежит в вашем медальоне.
— Это не значит...
— Значит достаточно.
Соболев положил перед ним список.
— Узнаёте фамилии?
Светозаров пробежал глазами.
— Да.
— Кого не хватает?
Он вернул лист.
— Не помню.
— Платон Андреевич, вы помните воду тридцать лет, но забыли человека, с которым собирались в одном доме?
— Я сказал, что не помню.
— Нет. Вы сказали, что не хотите говорить.
Светозаров сел.
— Некоторые вещи лучше не трогать.
— Двое ваших друзей уже мертвы. Поэтому поздно.
Старик посмотрел на него.
— Она не исчезла.
Соболев замолчал.
Лебедев перестал писать.
— Софья?
— Да.
— Что значит «не исчезла»?
— То и значит.
— Она умерла?
Светозаров сжал губы.
— Я этого не говорил.
— Но именно этого вы боитесь сказать.
Молчание.
— Вы были в усадьбе семнадцатого марта 1883 года?
— Был.
— Кто ещё?
Светозаров назвал медленно:
— Павел. Александр. Всеволод. Густав. Константин. Николай. Андрей.
Он остановился.

— И вы, — сказал Соболев.
— Да.
— Восемь мужчин.
Светозаров не ответил.
— Софья была с вами?
Молчание.
— Девять человек?
— Нет.
Ответ вырвался сразу.
Соболев внимательно посмотрел на него.
— Почему нет?
Светозаров понял ошибку.
— Я оговорился.
— Не думаю.
— Дмитрий Петрович...
— Сколько человек находилось там в ту ночь?
Долгая пауза.
— Девять.
— Вместе с Софьей?
Светозаров закрыл глаза.
— Я больше не отвечу.
Лебедев спросил:
— А фотография с зеркалом?
Старик резко повернул голову.
— Какая фотография?
Слишком быстро.
Соболев отметил.
— Значит, знаете.
— Где вы её нашли?
— В старом журнале.
— Уничтожьте.
— Почему?
— Просто уничтожьте.
— Кто отражается в зеркале?
— Не знаю.
— Вы видели оригинал?
— Да.
— Фигура была?
Светозаров кивнул.
— И вы не знали, кто это?
— Нет.
— Но восьмого мужчину вы знаете.
— Это другое.
— Объясните.
Светозаров провёл ладонью по лицу.
— Вы думаете, что Круг — это девять людей.
Соболев замер.
— Какой Круг?
Старик понял, что сказал лишнее.

— Так мы называли наши встречи.
— Кто придумал название?
— Софья.
— Почему Круг?
— Никто не сидел во главе стола. Все равны. Каждый видел остальных.
— Сколько вас было?
— Девять.
— Включая Софью?
Светозаров посмотрел на него.
— Всё было сложнее.
— Сделайте проще.
— Не могу.
Соболев показал на медальон.
— Номера существовали тогда?
— Да.
— Что означали?
— Роли.
— Какие?
— В последнюю ночь каждому было поручено своё.
— Кем?
— Князем Радовичем.
— Тальберг был первым?
— Да.
— Доремецкий вторым?
— Да.
— Вы третьим?
Светозаров посмотрел на записку.
— Да.
— Поэтому вода.
Старик отвернулся.
— Что должен был сделать Тальберг?
— Не скажу.
— Что увидел Доремецкий?
Светозаров прикрыл глаза.
— Софью.
— Когда?
— После.
— После чего?
— После того, как всё закончилось.
— Она была жива?
Молчание.
— Мертва?
Светозаров стиснул зубы.
— Не заставляйте.
— Что было с водой?
Старик долго не отвечал.
— В подвале стоял медный чан.
— С водой?
— Да.

— Зачем?

— Для сеанса.

— Софья должна была войти туда?

— Да.

— Добровольно?

Светозаров опустил голову.

— Сначала.

Это слово прозвучало хуже прямого ответа.

Соболев продолжил:

— А потом?

— Хватит.

— Её удерживали?

— Хватит!

Старик встал так резко, что плед упал на пол.

— Вы не были там. Вы не понимаете.

— Поэтому и спрашиваю.

— Мы были молоды.

— Тридцать лет — достаточный срок, чтобы перестать быть молодым и начать отвечать за сделанное.

Светозаров отвернулся.

Соболев сменил тему.

— Тальберг перед смертью написал: «Значит, он всё-таки жив».

Светозаров застыл.

— Это правда?

— Да.

— Тогда Павел ошибался.

— Почему?

— Потому что этот человек умер.

— В ту ночь?

Долгое молчание.

— Да.

— Вы видели?

— Да.

— Кто это?

— Не спрашивайте.

— Восьмой мужчина?

Светозаров закрыл глаза.

Ответа не последовало.

Соболев понял, что дальше сейчас не продвинется.

— Хорошо. Теперь о вашей безопасности.

Светозаров сразу посмотрел на него.

— Вы оставите людей?

— Четверых.

— В доме?

— Двое внутри, двое снаружи.

— Мне нельзя выходить.

— Почему?

Старик посмотрел на медальон.

— Из-за воды.

— Вы боитесь Невы?
Лицо Светозарова изменилось.
— Почему вы так решили?
— Потому что ванной вы не окружили городовыми.
Старик отвёл взгляд.
— Я не подхожу к Неве зимой.
— С 1883 года?
— Да.
— Почему?
— Не хочу говорить.
— Вы думаете, вас хотят утопить?
— Я ничего не думаю.
— Ваш страх думает за вас достаточно хорошо.
Соболев дал распоряжения охране.
Никого не впускать без проверки.
Еду и питьё принимать только через одного назначенного человека.
Окна не открывать.
Печь и дымоход осмотреть.
Светозаров слушал.
— А вы останетесь?
— Нет.
— Дмитрий Петрович...
— Страх заставил Тальберга запереться. Доремецкий тоже оказался в комнате, которую считал безопасной. Убийца использовал их желание спрятаться.
— Вы хотите сказать, что здесь я тоже не защищён?
— Я хочу сказать, что стены защищают только от тех способов, которые мы предусмотрели.
Светозаров побледнел.
У двери Соболев остановился.
— И последний вопрос. Человек, которого вы видели умершим, был князем Радовичем?
— Нет.
Ответ прозвучал мгновенно.
Соболев кивнул.
— Благодарю.
Старик понял, что сказал больше, чем хотел.
На улице Лебедев заговорил первым:
— Значит, в ту ночь был ещё один мертвец.
— Возможно.
— Светозаров сказал прямо.
— Он сказал, что видел смерть человека. Это не одно и то же с установленной смертью.
— Вы невозможны.
— Поэтому пока жив.
Следующим был Эльснер.
Густав Карлович жил на Кирочной в просторной квартире, половину которой превратил в кабинет и небольшую лабораторию.
Дверь открыл сам.
Высокий, сухощавый, с короткой седой бородой и светлыми глазами.
— Дмитрий Петрович Соболев?
— Да.

— Я знаю.

— Тогда знаете, зачем пришёл.

— Из-за Павла и Александра.

— И Софьи Радович.

Улыбка исчезла.

— Входите.

В кабинете стояли медицинские шкафы, химическая посуда, микроскоп, банки с препаратами.

Соболев заметил бутылку хлороформа.

Эльснер проследил за его взглядом.

— Если собираетесь спросить, могу ли я достать хлороформ, отвечу сразу: могу. Как и любой врач.

— И знаете, как им убить.

— Любое лекарство можно превратить в яд.

— Через гипсовую маску?

Эльснер побледнел.

— Какую маску?

— Женскую.

Врач отвёл взгляд.

— Софьи?

Соболев ничего не сказал.

Эльснер понял, что выдал себя.

— Такая маска существовала? — спросил Соболев.

— Да.

— Когда её сделали?

— При жизни Софьи.

— Кто?

— Скульптор. Имени не помню.

— Значит, посмертной она не была.

— Нет.

Это меняло одну из деталей.

Не убирало ужас.

Но делало его рукотворным.

— Светозаров назвал Круг.

Эльснер посмотрел на него.

— Значит, испугался сильнее, чем я думал.

— Вы входили в него?

— Да.

— Сколько человек?

— Девять.

— Включая Софью?

Эльснер помолчал.

— Вы уже задавали этот вопрос Платону.

— Теперь вам.

— Ответа не получите.

— Почему?

— Потому что вы считаете людей. А мы тогда считали совсем другое.

Соболев запомнил.

— Что?

— Собрания. Роли. Сеансы.
— Последний был девятым?
Эльснер ничего не ответил.
— Значит, да.
— Я этого не сказал.
Соболев достал список.
— Кого не хватает?
Врач посмотрел на пустую строку.
— Одного.
— Имя.
— Нет.
— Он умер в ту ночь?
Эльснер медленно подошёл к окну.
— Да.
— Вы были врачом. Констатировали?
После долгой паузы:
— Да.
— Причина смерти?
— Не скажу.
— Почему?
— Потому что тогда придётся рассказать всё остальное.
— Именно этого я хочу.
Эльснер повернулся.
— А я тридцать лет делал всё, чтобы этого не случилось.
— Доремецкий однажды сказал, что вы должны были остановить старика.
Лицо врача стало жёстким.
— Кто вам это сообщил?
— Его камердинер.
Эльснер тихо выругался.
— Стариком был Сергей Всеволодович Радович?
Молчание.
— Он проводил над Софьей опыт?
— Не называйте это опытом.
— А как?
— Он говорил: сеанс.
— Спиритический?
— Сначала.
Соболев уловил слово.
— А потом?
Эльснер закрыл глаза.
— Вы слишком быстро идёте.
— Убийца идёт быстрее.
— Платон получил медальон?
— Да.
Врач резко открыл глаза.
— Какой номер?
— Три.
— Что написано?
— «Третий вспомнит воду».

Лицо Эльснера стало серым.

— Увезите его.

— Куда?

— Из Петербурга.

— Почему?

— Увезите.

— От Невы?

Эльснер промолчал.

— Светозаров тоже её боится.

— Тогда хотя бы один раз в жизни послушайте чужой страх.

— Что произошло с водой?

— Не могу.

— Вы были врачом. Ваша роль?

Эльснер посмотрел на него.

— Следить, чтобы Софья осталась жива.

Тишина.

— И она осталась?

Врач отвернулся.

— Уходите.

— Вы не справились?

— Уходите.

— Софья умерла в ту ночь?

Эльснер резко повернулся.

В его лице была не злость.

Старая боль.

— Дмитрий Петрович, вы думаете, что правда всё исправляет. Нет. Иногда она просто даёт правильные имена тому, с чем человек и так живёт каждую ночь.

— Пока ваша ложь дала два трупа.

Эльснер ничего не ответил.

Соболев направился к двери.

— Получите медальон — сообщите немедленно.

— Не получу.

Соболев остановился.

— Потому что вы не четвёртый?

Врач понял ошибку.

— Я ничего не сказал.

— Сказали достаточно.

У самой двери Эльснер окликнул:

— Дмитрий Петрович.

Соболев обернулся.

— Если Платон назовёт вам восьмого человека...

— Да?

— Не верьте сразу.

— Почему?

— Потому что тридцать лет назад мы договорились лгать именно об этом имени.

На улице Лебедев долго молчал.

— Значит, существует ложное имя.

— Возможно.

— Они заранее подготовили легенду.

— Похоже.
— Зачем?
— Потому что тот человек был важен.
— Опасен?
— Или слишком высоко стоял.

Они вернулись к экипажу.

— В Канцелярию? — спросил Лебедев.
— Сначала отправьте человека к Светозарову.
— Мы только что оттуда.
— Поэтому и отправьте.
— Вы чего-то ждёте?

Соболев посмотрел на серое зимнее небо.

— Я жду, что убийца снова заставит нас считать, будто мы успели.

В Канцелярии их встретил дежурный.

Он почти выбежал навстречу.

— Дмитрий Петрович!
— Что случилось?
— Из городской полиции прислали человека. Вас ищут.
— Откуда?
— С Невы.

Лебедев медленно повернул голову.

— Где именно?
— У Литейного моста.

Соболев почувствовал холод, не имевший отношения к улице.

— Что произошло?
— Нашли тело.
— Чьё?
— Пока не достали.
— Почему?

Дежурный сглотнул.

— Оно подо льдом.
— Тогда рубите лёд.
— Не могут понять, где рубить.
— Объясните.

— Человек лежит примерно в двух саженях от берега. Прямо подо льдом. Но проруби нет.

Несколько секунд стояла тишина.

Лебедев произнёс:

— Светозаров.
Соболев уже надевал шинель.
— Почему вызвали нас?
— Потому что у покойника в руке белая дощечка.
— Что написано?
— «ТРЕТИЙ ВСПОМНИЛ».

До Литейного моста ехали молча.

На льду уже собрались городовые и несколько рабочих. Любопытных оттесняли к набережной.

Соболев спустился первым.

Мороз крепчал.

Снег под ногами скрипел.

— Где?

Городовой указал вперёд.

Под мутно-прозрачной толщей льда темнело человеческое тело.

Мужчина лежал на спине, лицом вверх.

В одной руке была зажата белая дощечка.

Чёрные буквы читались даже сверху:

ТРЕТИЙ ВСПОМНИЛ.

Соболев подошёл ближе.

Опустился на колено.

Лицо покойника находилось почти у самой нижней поверхности льда.

Платон Андреевич Светозаров.

Человек, которого несколько часов назад Соболев оставил в собственном доме под охраной четырёх полицейских.

Лебедев обошёл место по кругу.

— Дмитрий Петрович.

— Вижу.

— Проруби нет.

Лёд выглядел сплошным.

Старым.

Никаких свежих рубленых краёв.

Никакой молодой ледяной корки.

Никакой полыньи.

Соболев прижал ладонь к поверхности.

Толстый зимний лёд.

Он поднял лампу.

Осмотрел трещины.

Воздушные пузырьки.

Белёсые прожилки.

Всё казалось естественным.

Слишком естественным.

— Кто обнаружил?

— Рабочий с пристани, — ответил городовой. — Увидел тёмное пятно.

— Кто первым подошёл?

— Я.

— Лёд трогали?

— Нет. Ждали вас.

— Правильно.

— Есть ещё странность.

Соболев поднялся.

— Какая?

— Следов до тела не было.

— В каком смысле?

— До того, как подошли мы. Снег вокруг лежал чистый.

Лебедев посмотрел назад.

Действительно, цепочка человеческих следов начиналась только там, где прошли городовые.

— Снег мог замести старые, — сказал он.

Городовой покачал головой.

— Последние часы почти не мело.

Соболев снова посмотрел вниз. На груди Светозарова блеснуло серебро. Медальон.

Даже через лёд была различима цифра три.

Лебедев тихо произнёс:

— Утром он был дома. Под охраной. Теперь здесь. Под старым льдом.

Соболев ничего не ответил.

Впервые с начала расследования перед ним находилось не просто хорошо подготовленное впечатление.

Он пока не видел механизма.

Ни одного.

И именно поэтому спешить с выводом было нельзя.

— Всех четверых, кто охранял Светозарова, изолировать друг от друга, — сказал он. — Допросим отдельно.

— А тело?

— Сначала фотографируем весь участок. Потом размечаем лёд. Только после этого рубим.

Лебедев кивнул, но не уходил.

— Вы думаете, это тоже можно объяснить?

Соболев посмотрел на мёртвое лицо под толщей льда.

— Можно объяснить всё, что сделал человек.

— А если...

— Пока у нас нет доказательств, что здесь действовал кто-то другой.

Он отошёл на несколько шагов, затем остановился.

Что-то маленькое чернело во льду рядом с правой рукой Светозарова.

Соболев наклонился.

Не пузырёк воздуха.

Не трещина.

Тонкая полоска чёрного материала.

Он попросил лампу.

На ней виднелись белые буквы.

Два слова:

«ВОДА ПОМНИТ».

Лебедев прочитал через его плечо.

— Он это тоже держал?

— Нет. Лента находится внутри льда отдельно.

— Значит, её заморозили вместе с телом.

Соболев не ответил.

Где-то под ногами глухо треснул лёд. Один из городских невольно перекрестился.

Лебедев посмотрел вниз.

— Показалось, будто ударили снизу.

— Лёд работает на морозе.

— Я знаю.

— Тогда не приписывайте ему намерений.

Лебедев промолчал.

Соболев снова посмотрел на тело.

Третий вспомнил воду. И теперь следствию предстояло понять, каким образом человек, которого охраняли в доме на Петроградской стороне, за несколько часов оказался под толстым невским льдом.

Без проруби. Без следов.

И, по всем внешним признакам, так, словно пролежал там с самого начала зимы.

ГЛАВА

IV

СЛЕДЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

«Мёртвые не возвращаются. Но иногда возвращается то, что осталось после них».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1889 год

Лёд рубили почти сорок минут.

Соболев настоял, чтобы рабочие начали ниже по течению и не трогали участок непосредственно над телом, пока фотограф не закончит съёмку.

Дважды вспыхнул магний.

На короткое мгновение ночная Нева становилась ослепительно белой: чёрные фигуры людей, ледяная гладь, мост, далёкие фонари — всё возникало с невозможной резкостью, словно кто-то освещал не реку, а огромный мёртвый зал.

Потом темнота возвращалась.

И каждый раз казалась гуще.

Рабочие орудовали пешнями молча.

Лёд оказался толстым.

Соболев наблюдал за каждым ударом.

— Сколько? — спросил он, когда из проруби начали вытаскивать первые крупные куски.

Старший рабочий опустил на колено, посмотрел на кромку.

— Вершка четыре с половиной. Местами пять.

— Толщина одинаковая?

— Здесь — почти.

— Если бы на этом месте была прорубь, потом замёрзшая заново, вы заметили бы?

Мужчина посмотрел на Соболева так, словно вопрос был слишком прост.

— Конечно.

— По чему?

— Молодой лёд другой. Цвет, слои, пузыри. Да и спайка видна.

— Здесь есть?

Рабочий покачал головой.

— Нет.

— Уверены?

— Двадцать лет зимой по Неве хожу.

Соболев продолжал смотреть на него.

Рабочий понял.

— Уверен, Дмитрий Петрович. Этот лёд давно не вскрывали.

— Насколько давно?

Мужчина пожал плечами.

— Недели. Может, больше.

Лебедев стоял рядом. Он не переспросил. Оба знали одно и то же.

Несколько часов назад Платон Андреевич Светозаров сидел в своём кабинете, говорил с ними и боялся выходить из дома.

Теперь лежал подо льдом, который, если верить опытному человеку, никто не тревожил уже не первую неделю.

Соболев убрал часы в карман.

— Продолжайте.

Прорубь сделали в нескольких аршинах от тела. Под лёд завели длинный багор.

Первый раз крюк прошёл мимо.

Со второго зацепил одежду.

Тело сдвинулось.

Лебедев наклонился.

Светозаров медленно поплыл под ледяной толщей к проруби.

Горизонтально.

Почти не опускаясь вниз.

— Осторожнее, — сказал Соболев.

Рабочий ослабил верёвку.

Тело остановилось.

На несколько секунд показалось, что мертвец лежит лицом к ним сразу под прозрачным потолком льда и смотрит вверх.

— Почему он держится так высоко? — спросил Лебедев.

— Воздух в одежде. Течение. Плотность воды.

— А если пролежал здесь долго?

Соболев посмотрел на него.

— Он не пролежал здесь долго.

Это было первое, в чём он был уверен.

Тело подтянули к проруби.

Сначала появилась рука.

Потом плечо.

Наконец голова.

Когда лицо Светозарова вышло из чёрной воды, стоявший рядом городской отвернулся.

Глаза покойника оставались открыты.

На ресницах почти сразу начал схватываться иней.

Тело уложили на брезент.

Соболев подошёл.

Белая дощечка всё ещё была зажата в правой руке.

ТРЕТИЙ ВСПОМНИЛ.

Пальцы пришлось разгибать по одному.

— Если табличку вложили после смерти, — сказал Лебедев, — могли дожидаться окоченения.

— Могли.

— А если он сжал её сам?

— Тогда вопрос становится хуже.

На запястьях Светозарова темнели узкие полосы.

Следы давления.

Соболев присел.

— Связывали.

Лебедев коснулся взглядом второй руки.

— Не сильно.

— Достаточно, чтобы удерживать.

На шее повреждений не было.

На лице тоже.

Соболев перевёл взгляд на ноги.

И остановился.

Домашние туфли.

Тёмная мягкая кожа.

Вышитые инициалы.

Те самые, в которых Светозаров сидел перед ними в кабинете.

— Он даже не переобулся, — тихо сказал Лебедев.

Соболев осмотрел подошву.

Чистая.

Никакой уличной грязи.

Никакого песка.

Следов снега тоже не было.

— Значит, сам по улице не шёл.

— Его вынесли.

— Или вывезли.

На левом носке туфли темнело пятно.

Соболев провёл по нему краем платка.

Поднёс к лицу.

Запах был слабым.

Не химическим.

Смолистым.

Сладковатым.

— Что?

Соболев снова понюхал.

— Ладан.

Лебедев посмотрел на мертвеца.

— Откуда на домашней туфле ладан?

— Вот это хороший вопрос.

Судебный врач приехал минут через двадцать.

Доктор Михайловский был сухим пожилым человеком с привычкой смотреть на покойников так, словно те нарушили профессиональную договорённость и умерли в чрезвычайно неудобный момент.

— Утопленник? — спросил он.

— Возможно.

— Тогда почему не отправили сразу в морг?

— Потому что вечером он был жив.

Михайловский перестал снимать перчатки.

— Когда именно?

— Несколько часов назад.

Врач посмотрел на Светозарова.

Потом на лёд.

— А под ним он давно?

— По словам рабочих, лёд над телом старый.

— Хорошо.

В голосе врача появилось другое выражение.

Уже не раздражение.

Интерес.

Он присел возле покойника.

Осмотр затянулся.

Соболев не мешал.

Наконец Михайловский сказал:

— Предварительно смерть действительно свежая. Пять-шесть часов, возможно немного больше. Точнее после вскрытия.

Лебедев посмотрел на лёд.

— Значит, одно из двух невозможно.

— В медицине я стараюсь избегать слова «невозможно», — сказал врач.

— А в физике?

— Это не моя служба.
Он продолжил осмотр.
— Утопление пока не подтверждаю.
— Почему?
— Цвет кожи, состояние губ — подходит. Но внешне слишком мало. Нужны лёгкие.
— На теле раны?
— Серьёзных не вижу.
Врач открыл рот покойника.
Замер.
— А вот это уже зачем?
— Что?
Михайловский взял пинцет.
Из рта Светозарова он осторожно извлёк тёмный лепесток.
Почти чёрный.
По краю — глубокий бордовый оттенок.
Лебедев нахмурился.
— Цветок?
— Похоже на розу, — ответил врач.
Соболев взял лупу.
— Один лепесток?
Михайловский снова осмотрел рот.
— Нет.
Он извлёк второй.
Потом третий.
Четвёртый.
Всего девять.
Лебедев медленно поднял глаза.
Никто не произнёс число.
Оно и без того присутствовало между ними.
Соболев посмотрел на лепестки.
— В лёгкие они попасть не могли?
— Если человек был без сознания — могли попасть в дыхательные пути. Проверю.
— Сохраните каждый отдельно.
— Вы всерьёз хотите нумеровать лепестки?
— Хочу знать, случайно ли их девять.
Михайловский снова склонился над телом.
Через несколько секунд нахмурился.
— Расстегните рубашку.
На груди Светозарова под бельём обнаружился круглый ожог размером примерно с серебряный рубль.
Красный по краям.
Белёсый в центре.
— При жизни? — спросил Соболев.
Врач осторожно надавил на кожу.
— Да. Реакция тканей есть.
— Чем?
— Нагретым металлом.
Соболев поднёс лампу.
Ожог был не сплошным.

В нём различались тонкие линии.

Окружность.

И девять коротких расходящихся штрихов.

Лебедев произнёс:

— Круг.

Соболев ничего не сказал.

— Вы раньше видели такой знак? — спросил Михайловский.

— Нет.

Врач ещё некоторое время смотрел.

— А я будто видел.

Соболев поднял голову.

— Где?

— Не вспомню сразу. Может быть, в книге.

— Медицинской?

— Не уверен. Возможно, в старом труде о месмеризме или спиритических опытах. Тогда этим увлекались даже вполне образованные люди.

— Вспомните.

— Постараюсь.

Соболев взглянул на тело.

Девять лепестков.

Знак на груди.

Третий медальон.

Слишком много символов.

И всё же под ними должна была находиться механика.

Орудие.

Время.

Маршрут.

Человек.

Он отказывался верить, что убийца сделал невозможное.

Но пока убийца оставался впереди.

— В морг, — сказал Михайловский.

— Одежду отдельно. Воду из лёгких — если она там есть — сохранить.

Врач посмотрел на Соболева.

— Вы собираетесь исследовать невскую воду?

— Да.

— На что?

— Пока на всё.

— Очень научный подход.

— Этот труп лежал подо льдом, который старше его смерти. Мне позволительно быть любознательным.

...

Четверых полицейских, охранявших Светозарова, развели по разным комнатам.

Первым вызвали городского Крылова.

Молодой крепкий парень держался прямо, но слишком часто облизывал губы.

— Где вы находились после нашего отъезда?

— В передней.

— Светозаров оставался в кабинете?

— Да.

— Видели его?

- Несколько раз.
- Последний раз когда?
- Крылов задумался.
- Около шести.
- Точно?
- Часы пробили.
- Он выходил?
- До столовой. Потом вернулся.
- После шести кто-нибудь приходил?
- Доктор.
- Соболев поднял глаза.
- Лебедев перестал писать.
- Какой доктор?
- Эльснер.
- Соболев некоторое время молчал.
- Представился?
- Да. Сказал, что старый друг хозяина.
- Во сколько?
- Без четверти семь примерно.
- Почему вы его впустили?
- Платон Андреевич сам велел.
- Вы его видели?
- Кого?
- Светозарова, когда он велел.
- Нет. Дверь кабинета была закрыта.
- Тогда откуда приказ?
- Из кабинета.
- Голос?
- Да.
- Вы уверены, что голос принадлежал Светозарову?
- Крылов растерялся.
- Я тогда не сомневался.
- А теперь?
- Молодой человек опустил взгляд.
- Теперь уже не знаю.
- Опишите Эльснера.
- Высокий. Худой. Седая борода. Очки.
- Лебедев быстро посмотрел на Соболева.
- Настоящий Эльснер очков не носил.
- Сколько пробыл?
- Минут двадцать.
- Вы видели, как он вышел?
- Крылов замялся.
- Нет.
- Почему?
- Меня позвали во двор.
- Кто?
- Другой городской.
- Зачем?

- Сказал, что кто-то бросил что-то в окно караульной комнаты.
- Разбили стекло?
- Нет.
- Нашли предмет?
- Нет.
- И сколько вас не было в передней?
- Минуты три. Может, четыре.
- Когда вернулись?
- Доктора уже не было.
- Светозарова после этого видели?
- Нет.
- Почему не проверили?

Крылов побледнел.

- Мне сказали, что хозяин не хочет, чтобы его беспокоили.
- Кто сказал?
- Слуга.
- Какой?
- Фёдор.

Соболев отложил карандаш.

— Всё.

Второй городской подтвердил почти то же самое.

Но никакого брошенного предмета он не видел.

- Я услышал звон, — сказал он. — Будто стекло ударили. Вышел. Ничего.
- Зачем позвали Крылова?
- Подумал, может, со стороны улицы кто-то.
- Вы оба ушли от двери одновременно?
- На пару минут.
- А двое наружных?
- Оставались на местах.
- Задняя дверь?
- Под наблюдением.
- Окна?
- Тоже.

Соболев помолчал.

— Значит, человек, вошедший как Эльснер, из дома не выходил.

Городовой побледнел.

- Получается...
- Не говорите это слово.

Третьим вызвали Фёдора.

Слуга Светозарова прослужил в доме шестнадцать лет. Говорил он медленно, будто боялся не Соболева, а собственных воспоминаний.

- После визита врача вы видели хозяина?
- Да.
- Когда?
- Около половины восьмого.
- Где?
- В кабинете.
- Разговаривали?
- Нет.

— Почему?
— Он сидел у камина.
— Лицо видели?
Фёдор помедлил.
— Нет.
— Почему?
— Сидел спиной к двери.
— Двигался?
— Не помню.
— Вы входили далеко?
— Поставил ужин и вышел.
— Во что он был одет?
— В халат.
— Какой?
— Бордовый.
Соболев посмотрел на Лебедева.
Светозарова достали из Невы в тёмном сюртуке.
— Вы уверены?
— Да.
— Ужин потом забрали?
— Около девяти я вернулся.
— Что увидели?
Фёдор побледнел.
— Хозяина не было.
— Окна?
— Закрыты.
— Дверь?
— Открылась как обычно.
— Ужин?
— Нетронутый.
— Вино?
— Тоже.
— В комнате что-нибудь изменилось?
Слуга молчал.
Соболев заметил.
— Говорите.
— На ковре была вода.
— Где?
— Возле кресла.
— Много?
— Лужица.
— Графин мог пролиться?
— Нет. Он стоял полный.
— Вода была чистой?
Фёдор сглотнул.
— Нет.
— Что значит «нет»?
— Пахла.
Лебедев поднял голову.

— Чем?

Слуга ответил тихо:

— Рекой.

Несколько секунд никто не говорил.

— Вы знаете запах Невы?

Фёдор посмотрел на него почти с обидой.

— Я здесь родился.

— Что ещё было в воде?

— Что-то зелёное.

— Что?

— Будто кусочек водоросли.

— Где сейчас?

— Я выбросил.

Лебедев выдохнул сквозь зубы.

Соболев не отреагировал.

— Ещё что-нибудь?

Фёдор долго думал.

— След.

— Какой?

— Ноги.

— Ботинок?

Слуга медленно покачал головой.

— Босой.

...

Через полчаса Соболев и Лебедев снова ехали к дому Светозарова.

Лошади шли тяжело по свежему снегу.

— Человек пришёл под видом Эльснера, — сказал Лебедев. — Отвлёк охрану и вошёл.

— Да.

— Потом убил Светозарова.

— Возможно.

— Переодел.

— Возможно.

— И вынес из дома.

Соболев посмотрел на него.

— Через что?

Лебедев замолчал.

— Парадная дверь под охраной. Чёрный ход под охраной. Окна наблюдались снаружи.

— Значит, до девяти тело оставалось в доме.

— Или до девяти в кресле сидело не тело Светозарова.

— Двойник?

— Вы видели человека с похожим лицом?

— Нет.

— Фёдор тоже.

— Тогда кого он видел?

— Вот это и нужно выяснить.

— Но потом всё равно надо вынести Светозарова.

— Да.

— И положить под лёд.

— Да.

Лебедев покачал головой.

— От повторения проще не становится.

— Не должно.

Дом стоял тёмный и пустой. Печати на двери не были нарушены. В кабинете Светозарова всё осталось так, как описывал Фёдор.

Кресло возле камина. Нетронутый ужин. Графин. На ковре тёмное влажное пятно.

Соболев присел.

— Лампу ниже.

Лебедев опустил свет.

Первый след оказался возле кресла. Маленькая босая ступня. Узкая пятка.

Почти тот же размер, что у Тальберга и во дворе Соболева.

Но на этот раз это был не отпечаток, нанесённый веществом. Ворс ковра действительно намок. Вода проникла глубоко.

— Настоящий, — сказал Лебедев.

— Похоже.

Второй след обнаружился ближе к камину. Третий. Четвёртый. Пятый. И всё...

Они заканчивались возле решётки.

Лебедев посмотрел в тёмную пасть камина.

— Не говорите, что она вошла туда.

— Ничего не говорю.

Соболев опустил на колено. Внутри была обычная сажа. Пепел. Почти погасшие угли.

Но на латунной решётке тянулась свежая царапина.

— Помогите отодвинуть.

Они сдвинули решётку.

Соболев начал осторожно разгребать золу кочергой. Что-то звякнуло о железо. Лебедев поднёс лампу. Соболев достал щипцами небольшой старый ключ. Почерневший от времени.

На круглой головке была выгравирована цифра: 9.

Лебедев смотрел на него.

— Девять.

— Я умею читать.

— От чего он?

— Узнаем.

— Может быть, от...

Соболев поднял глаза.

Лебедев не закончил.

— Не давайте названия двери, пока не увидели дверь.

Он завернул ключ.

Лебедев продолжал рассматривать кирпичи камина.

Вдруг наклонился.

— Дмитрий Петрович.

— Что?

— Здесь что-то есть.

На внутренней стенке, почти у пола, под слоем сажи виднелись старые царапины.

Соболев протёр кирпич.

Проявились слова.

ОНА НЕ УТОНУЛА.

Лебедев прочитал молча.

— Старые, — сказал Соболев.

Края царапин потемнели.

Надпись явно сделали не сегодня.

— Насколько старые?

— Не знаю.

— Светозаров написал?

— Возможно.

— Тогда зачем?

Соболев посмотрел на мокрые следы.

— Если он действительно считал, что Софья не утонула, значит, вода в той ночи могла означать не смерть, а что-то другое.

— Но он её боялся.

— Именно.

Они осмотрели стол. Один нижний ящик оказался заперт. Связка ключей Светозарова лежала рядом. Ни один не подошёл.

Лебедев посмотрел на найденный ключ.

— Попробуем?

Соболев вставил его.

Ключ вошёл легко. Повернулся. Щёлкнул замок. Внутри лежала чёрная папка.

Под ней — несколько писем, перевязанных выцветшей лентой.

Соболев взял верхнее.

Почерк женский. Подпись: Софья.

Дата заставила его задержать взгляд.

19 марта 1883 года.

Лебедев заметил.

— Она исчезла семнадцатого.

— Да.

Соболев развернул письмо.

«Платон.

Если ты получил это письмо, значит, отец снова солгал вам. Я жива. Не ищи меня.

Не приходи к воде. И главное — не открывай, если услышишь мой голос с другой стороны.

Софья».

Лебедев перечитал.

— «Не открывай» что?

Соболев перевернул лист.

На обороте была приписка.

«Девятая открывается только изнутри».

Лебедев поднял глаза.

— Теперь у нас всё-таки есть дверь.

Соболев ничего не ответил.

В доме было тихо.

Потом из-за стены донеслось: тук.

Они оба повернули головы. Пауза. Тук. Ещё пауза. Тук.

Лебедев медленно поднялся.

— Вы слышали?

— Да.

Снова три удара. На этот раз отчётливее. Из-за книжного шкафа.

Соболев достал револьвер.

— Отодвигаем.

Шкаф оказался тяжёлым. Пришлось сдвигать вдвоём.

За ним обнаружилась узкая деревянная панель. Почти сливавшаяся со стеной.
По краям шла тонкая щель. Дверь. Без ручки. Без замочной скважины.
На дереве была выцарапана цифра: 9.

Лебедев невольно посмотрел на ключ в руке Соболева.

— Но замка нет.

— Значит, ключ предназначен не ей.

С другой стороны двери кто-то медленно провёл по дереву чем-то острым. Сверху вниз.
Долгий шорох. Лебедев побледнел. Соболев поднял револьвер. Шорох прекратился.
Тишина. Потом голос. Женский. Очень тихий.

— Платон...

Лебедев посмотрел на Соболева.

Голос повторил:

— Платон... открой...

Соболев подошёл ближе.

— Кто вы?

Молчание.

— Откройте дверь.

Ответ пришёл не сразу.

— Он уже открыл воду.

Лебедев нахмурился. Соболев не понял фразы.

— Что это значит?

Женщина тихо засмеялась. Смех был спокойным. Молодым. Совсем не тем, каким должен быть голос человека, прятавшегося в холодной стене.

— Вас там не было, — сказала она.

— Где?

Пауза.

— Под водой.

Соболев отступил.

— Ломаем.

Дверь оказалась крепкой, но старая деревянная обшивка вокруг петель поддавалась. Они работали кочергой и железным инструментом из хозяйственной комнаты.

Несколько минут за стеной не было ни единого звука.

Потом дерево треснуло. Дверь подалась. Из узкой щели пахнуло холодом. Сыростью.

И тем самым речным запахом, который описывал Фёдор.

Лебедев поднял лампу. За дверью была лестница. Каменные ступени уходили вниз.

— Подвал?

— Посмотрим.

Соболев пошёл первым.

Лестница спускалась глубже обычного подвального этажа.

Воздух становился холоднее.

На стенах блестела влага.

Внизу начинался узкий каменный коридор.

Они прошли несколько саженей.

Коридор закончился небольшой комнатой.

Соболев остановился на пороге.

Посреди стоял стул.

На нём лежало серое женское пальто.

Рядом — тёмный платок.

На полу стояли чёрные женские ботинки.

Лебедев выдохнул:
— Та женщина, которая была у вас дома.
— По описанию — да.
Соболев подошёл к ботинкам.
Они были мокрыми.
Не от снега.
С них стекала вода.
Возле них начинались босые следы.
Один.
Второй.
Третий.
Следы шли к дальней стене.
И там обрывались.
Никакой двери.
Ни окна.
Ни прохода.
Соболев провёл рукой по камню.
Холодный.
Сплошной.
— Опять, — сказал Лебедев.
— Да.
Соболев присел возле последнего отпечатка.
Вода ещё блестела.
Не успела высохнуть.
— Она была здесь недавно.
— Мы слышали её.
— Да.
— Тогда куда ушла?
Соболев поднялся.
На стене над стулом висела фотография.
Прикреплённая булавкой.
Та же компания.
Но не журнальная репродукция.
Оригинальный снимок.
Соболев взял лампу.
Лебедев подошёл ближе.
Теперь фигуру в зеркале можно было рассмотреть значительно лучше.
Высокий мужчина.
Очень худой.
Стоит в глубине отражения.
Лицо почти скрыто тенью.
На шее блестит овальный медальон.
Соболев наклонил снимок.
На медальоне различалась цифра:
— Это восьмой? — спросил Лебедев.
— Пока не знаю.
Соболев перевернул карточку.
На обороте были подписаны фамилии.
Тальберг.

Доремецкий.
Ратманов.
Эльснер.
Светозаров.
Фаренгоф.
Каменорский.
Гревницкий.
Восемь.
Соболев снова посмотрел на лицевую сторону.
Пересчитал мужчин.
Семь.
Ещё раз.
Семь.
Лебедев понял одновременно с ним.
— Один из восьмерых стоит только в зеркале.
— Да.
— Значит, он и есть тот, чьё имя они скрывали.
— Возможно.
— А Софья?
— Восьмая перед камерой.
Лебедев быстро пересчитал.
Семь мужчин.
Софья.
И мужчина в зеркале.
Девять.
— Тогда кто сделал фотографию?
Соболев медленно поднял глаза.
Ни один из них не ответил.
И в этот момент лампа погасла.
Сразу.
Без треска.
Без дыма.
Просто исчез свет.
Лебедев резко вдохнул.
— Дмитрий Петрович?
— Стоять на месте.
Абсолютная темнота.
Где-то капала вода.
Раз.
Пауза.
Два.
Пауза.
Три.
Соболев слышал ещё один звук.
Шлёп.
Босая ступня по мокрому камню.
Лебедев прошептал:
— Слышите?
Соболев уже держал револьвер.

Шлёп.
Ещё ближе.
Шаги шли от стены.
Именно от той стены, у которой заканчивались следы.
Соболев достал спички.
Чиркнул.
Спичка сломалась.
Шлёп.
Вторая не загорелась.
Шлёп.
Теперь звук был почти рядом.
Третья вспыхнула.
Жёлтый свет дрогнул.
Соболев увидел Лебедева.
Стул.
Серое пальто.
Мокрые ботинки.
Стену.
Никого.
Но следы на полу изменились.
Теперь они не заканчивались у стены.
Возле старого последнего отпечатка появился новый.
Потом ещё один.
Ещё.
Свежая вода блестела в двух шагах от них.
Следующий отпечаток находился в одном шаге от Соболева.
Спичка погасла.
Темнота вернулась.
И почти сразу возле самого его уха прозвучал женский шёпот:
— Четвёртый уже получил свой медальон.

ГЛАВА

V

ЛИЦО СОФЬИ

«Лицо мёртвого страшит не потому, что оно неподвижно. Страшно то мгновение, когда вам начинает казаться, будто оно вас узнало».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1890 год

Женский голос прозвучал настолько близко, что Соболев невольно повернул голову.

— Четвёртый уже получил свой медальон.

Темнота.

Ни движения.

Ни дыхания.

Ни шелеста одежды.

Только где-то в глубине каменной комнаты размеренно падала вода.

Капля.

Пауза.

Ещё одна.

Лебедев чиркнул спичкой.

Первая не загорелась.

Вторая вспыхнула.

Слабый огонёк осветил его побледневшее лицо, стул, серое женское пальто и мокрые ботинки на каменном полу.

Никого.

— Вы слышали? — спросил он.

— Да.

— Прямо возле вас?

— Да.

Лебедев поднял спичку выше.

— Тогда где она?

Соболев не ответил.

В нескольких шагах от них блестели свежие отпечатки босых ног.

Теперь их было больше, чем до того, как погасла лампа.

Следы начинались у дальней стены, подходили почти вплотную к Соболеву и обрывались.

Обратной цепочки не было.

Лебедев зажёл лампу.

Фитиль вспыхнул сразу и теперь горел ровно, без малейшего дрожания.

— Масла достаточно, — сказал он, осмотрев резервуар.

— Горелка?

— Исправна.

— Сквозняк?

Лебедев поднял руку.

Воздух оставался неподвижным.

Соболев присел возле последнего мокрого следа.

Коснулся его краем чистого платка.

Ткань намокла.

— Вода настоящая, — сказал Лебедев.

— Да.

— Значит, кто-то прошёл здесь, когда было темно.

— Возможно.

— В двух шагах от нас.

— Возможно.
— И мы его не слышали.
Соболев поднял глаза.
— Мы слышали шаги.
Лебедев замолчал.
Это было хуже.
Они действительно слышали их.
Медленные влажные шаги по камню.
И голос.
Но не слышали, как человек вошёл в комнату.
И не слышали, как ушёл.
Соболев поднялся.
— Осматриваем ещё раз. Сначала стены, потом пол и свод.
— Мы уже проверяли.
— Значит, проверим лучше.
Они работали почти час.
Простучали каменную кладку.
Осмотрели каждый стык.
Проверили пол.
Даже подняли несколько плохо закреплённых плит.
Под ними оказался только утрамбованный грунт.
Сводчатый потолок был низким и сплошным.
Второго выхода не существовало.
По крайней мере такого, который они могли обнаружить.
Соболев вернулся к серому пальто.
На внутренней стороне воротника сохранилась небольшая тканевая метка.
«А. М. Саврасов. Гороховая».
— Запишите, — сказал он.
Лебедев занёс имя в книжку.
— Женщина, которая оставила медальон у вас?
— Если пальто её.
— Дворник описывал серое.
— В Петербурге не одно серое женское пальто.
— Зато с этим рядом лежат чёрные ботинки.
Соболев посмотрел на обувь.
Оба ботинка были мокрыми.
Но не снаружи.
Вода стояла внутри.
Лебедев поднял один через платок.
— Такое ощущение, будто их наполнили водой.
Соболев взял второй.
На внутренней подкладке прилипла тонкая светлая щепка.
Он осторожно снял её пинцетом.
— Дерево?
— Похоже.
— Сосна?
— Не знаю.
— Сохраните.
Лебедев завернул щепку.

Соболев ещё раз осмотрел подошвы.

Почти чистые.

Ни уличной грязи, ни песка, ни снега.

— Она пришла сюда не с улицы, — сказал Лебедев.

— Или ботинки вымыли.

— Зачем?

— Чтобы мы задавали именно этот вопрос.

Они забрали фотографию, пальто, ботинки и найденный ключ с цифрой девять.

Перед тем как уйти, Соболев задержался у стены, возле которой начинались следы.

Камень оставался влажным.

Он приложил ладонь.

Холод.

Но в одном месте почувствовал что-то ещё.

Слабую дрожь.

Будто внутри стены проходила вода.

— Лебедев.

Тот подошёл.

— Слышите?

Он приложил ухо.

Несколько секунд ничего.

Потом где-то далеко в кладке раздался короткий звук.

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

Тук.

Лебедев медленно выпрямился.

— Опять три.

Соболев убрал руку.

— Уходим.

— Не будем ломать стену?

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что человек, который устроил здесь всё это, очень хочет, чтобы мы ломали именно то, на что он показывает.

Они поднялись наверх.

Светозаров был мёртв.

Но его дом продолжал хранить вещи, о которых он не успел — или не захотел — рассказать.

И теперь среди них лежало письмо Софьи Радович, написанное через два дня после её официального исчезновения.

«Я жива».

Соболев пока не знал, верить ли этим двум словам.

Но Эльснер утверждал обратное.

Он видел Софью мёртвой.

Значит, один из двух документов лгал.

Или время событий было совсем не таким, каким его представляли тридцать лет.

Утром первым пришёл ответ из дома Константина Юльевича Фаренгофа.

Лебедев появился в кабинете Соболева около восьми с запиской.

— Четвёртый действительно получил медальон.

Соболев поднял глаза.

— Когда?

— Ночью. Между часом и двумя.

— Кто доставил?

— Никто не видел.

— Где нашли?

— На подоконнике зимнего сада.

— Внутри дома?

— Да.

— Следы проникновения?

— Пока нет.

— Сам Фаренгоф жив?

— Жив. И очень хочет видеть вас.

— Пусть подождёт.

Лебедев удивился.

— После того, что случилось со Светозаровым?

— Именно поэтому.

Соболев достал фотографию маски, снятой с лица Доремецкого.

Рядом положил найденный снимок Софьи.

— Сейчас меня интересует это.

Лебедев посмотрел.

— Маска.

— Да.

— Эльснер сказал, что её сделали при жизни Софьи.

— Сказал.

— Тогда всё объясняется.

— Что именно?

— Убийца нашёл старую форму.

— Где?

Лебедев замолчал.

— Вот поэтому ничего пока не объясняется.

Соболев подвинул снимки ближе.

— Если маска действительно повторяет лицо Софьи, нужно установить её происхождение точно. Не «похожа», не «так кажется», а кто сделал, когда и сколько экземпляров существовало.

— А Фаренгоф?

— Два человека уже возле него. Ещё двоих отправим сейчас.

— Он четвёртый.

— И убийца прекрасно знает, что мы это понимаем. Поэтому прежде чем бежать туда по его команде, закончим с тем, что относится ко второй смерти.

Лебедев кивнул.

— Эльснер?

— К нему.

Густав Карлович открыл не сразу.

Когда наконец появился в дверях, выглядел человеком, который тоже почти не спал.

— Вы опять.

— Мы ещё не закончили первый разговор.

— Я заметил.

Соболев вошёл.

Эльснер не возражал.

На столе стояла чашка остывшего кофе. Рядом лежала раскрытая медицинская книга.

Соболев положил перед врачом фотографию маски.

— Кто её сделал?

Эльснер посмотрел.

На мгновение лицо его изменилось.

— Я уже говорил: скульптор.

— Имя.

— Не помню.

— Густав Карлович, сегодня ночью умер третий человек из вашей компании.

Эльснер поднял глаза.

— Платон?

— Да.

Врач закрыл глаза.

Несколько секунд молчал.

— Как?

— Вода.

Эльснер резко встал.

— Где?

— В Неве.

— Нет.

— Тело нашли подо льдом.

— Нет.

Теперь слово прозвучало иначе.

Не как отрицание услышанного.

Как страх.

— Что именно «нет»?

Эльснер прошёл к окну.

— Так не должно было быть.

— Почему?

— Потому что Платон...

Он остановился.

— Продолжайте.

— Ничего.

— Он боялся Невы.

— Все мы чего-нибудь боялись после той ночи.

— Но ему прислали: «Третий вспомнит воду».

Эльснер медленно повернулся.

— Значит, человек знает порядок.

— Какой порядок?

Врач не ответил.

— Второй увидел. Третий вспомнил воду. Теперь четвёртый получил медальон.

Это подействовало.

— Кто?

— Фаренгоф.

Эльснер опустил в кресло.

— Тогда времени мало.

— На что?

— Я не знаю.
— Вы только что сказали обратное.
— Я знаю лишь, что номера соответствовали ролям в последнем сеансе.
— Роль Фаренгофа?
Эльснер сжал губы.
— Спросите у него.
— Спрошу. После вас.
Он снова показал фотографию.
— Маска.
Эльснер устало провёл рукой по лицу.
— Адольф Ремигович Крелль.
— Скульптор?
— Да.
— Петербургский?
— Жил на Васильевском острове.
— Зачем князь Радович заказал маску живой дочери?
— Он говорил, что хочет сохранить её лицо.
— До смерти?
Эльснер посмотрел на него.
— Не употребляйте это слово так легко.
— Почему?
— Потому что Сергей Всеволодович считал лицо важнее тела.
Соболев ничего не сказал.
— Объясните.
— Не могу.
— Не хотите.
— Возможно.
— Когда изготовили маску?
— За несколько месяцев до последнего сеанса.
— Софья согласилась?
— Да.
— Вы присутствовали?
— Нет. Видел готовую.
— Один экземпляр?
Эльснер немного помедлил.
Соболев заметил.
— Сколько?
— Я видел один.
— Это другой ответ.
Врач раздражённо посмотрел на него.
— Я не скульптор.
— Что стало с маской после гибели Софьи?
Эльснер вздрогнул.
Соболев сразу уловил.
— После гибели?
Слишком поздно.
Врач отвёл взгляд.
— Вы только что назвали её погибшей.
— Оговорился.

— Нет.

— Дмитрий Петрович...

— Вы видели Софью мёртвой?

Долгое молчание.

Соболев ждал.

Наконец Эльснер ответил:

— Да.

Лебедев перестал писать.

— Когда?

— На рассвете.

— Семнадцатого марта?

— Да.

— Где?

— В усадьбе.

— Причина смерти?

Эльснер сжал пальцы.

— Не сейчас.

— Вы врач. Вы установили смерть?

— Да.

— Уверены?

— Тогда был уверен.

Соболев уловил последнее слово.

— А теперь?

Врач посмотрел на него.

— Теперь вы показываете мне маску, которая должна была исчезнуть, письма, которые не должны были существовать, и рассказываете о Платоне под невским льдом. Я больше ни в чём не уверен.

— Что стало с телом Софьи?

— Не знаю.

— Вы видели его после рассвета?

— Нет.

— Почему?

— Нас выгнали из комнаты.

— Кто?

— Князь.

— А потом?

— Утром объявили, что Софья пропала.

— И вы промолчали?

Эльснер горько усмехнулся.

— Все промолчали.

— Восемь человек?

Врач посмотрел на него.

— Не заставляйте меня сейчас считать.

Соболев вернулся к маске.

— Что с ней сделал князь?

— Разбил.

— Вы видели?

— Да.

— Полностью?

— Ударил молотком несколько раз.
— И?
— Приказал слугам убрать обломки.
— Значит, вы не знаете, уничтожили ли их.
— Гипсовая форма была разбита.
— Форма или готовая маска?
Эльснер замер.
Очень короткая пауза.
Но Соболев её заметил.
— В чём разница? — спросил врач.
— Большая.
— Я не помню.
— Постарайтесь.
Эльснер подошёл к шкафу.
— Крелль делал отрицательную форму и затем отливку лица. Князь разбил то, что находилось у него.
— Готовую отливку?
— Кажется.
— А форма могла остаться у скульптора.
Эльснер медленно повернулся.
Теперь мысль дошла и до него.
— Возможно.
— Почему вы об этом раньше не подумали?
— Потому что тридцать лет считал эту вещь уничтоженной.
— Значит, теперь ищем Крелля.
Соболев взял фотографию.
У двери Эльснер сказал:
— Есть ещё кое-что.
Соболев остановился.
— В ночь сеанса Софья была в другой маске.
— Какой?
— Не гипсовой.
— Тогда в какой?
Врач побледнел.
— Князь сделал её сам. Кожаную. Закрывала всё лицо, кроме рта.
— Зачем?
— Говорил, что лицо отвлекает присутствующих.
— От чего?
Эльснер ответил не сразу.
— От того, кто через неё говорит.
Несколько секунд никто не произносил ни слова.
— Софья действительно говорила чужим голосом? — спросил Лебедев.
Эльснер посмотрел на него.
— В ту ночь я слышал мужской голос из её рта.
— Вы были врачом. Объяснение?
— Тогда не нашёл.
— А сейчас?
Эльснер опустил глаза.
— Сейчас я слишком хорошо знаю, насколько легко обмануть слух.

Соболев уже открыл дверь.

— И насколько легко обмануть врача?

Эльснер ничего не ответил.

Адольф Ремигович Крелль умер в 1895 году.

Это удалось выяснить довольно быстро.

Он действительно держал мастерскую на Васильевском острове, выполнял скульптурные портреты, посмертные маски, гипсовые слепки и декоративные работы для состоятельных домов.

После смерти мастерская некоторое время принадлежала дочери — Марте Адольфовне.

Её нашли к полудню.

Женщина жила в тихом доме неподалёку от Малого проспекта. Ей было за шестьдесят, но держалась она прямо и говорила твёрдо.

Соболев положил перед ней фотографию маски.

— Узнаёте?

Марта Адольфовна вздрогнула.

Совсем немного.

Но достаточно.

— Где вы это нашли?

— Значит, узнаёте.

Женщина долго смотрела на белое лицо.

— Это работа отца.

— Софья Радович?

Она подняла глаза.

— Да.

— Вы её знали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете имя?

— Отец говорил.

— Когда?

— Давно.

— Сколько экземпляров существовало?

Марта Адольфовна сразу насторожилась.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что один экземпляр нашли на лице убитого человека.

Она побледнела.

— Не может быть.

— Уже было.

Женщина села.

— Я думала, всё уничтожено.

— Что именно?

— Слепки.

Соболев наклонился вперёд.

— Значит, их было несколько.

— Отец почти никогда не делал только одну форму.

— Почему?

— Гипс ломается. Заказчик может потребовать повторную отливку. Рабочую форму хранили.

— Князю Радовичу отдали что?

— Готовую маску.

— А форма осталась у вашего отца?

— Да.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Долго?

— До его смерти.

— Вы видели?

— Несколько раз.

— Где хранилась?

— В задней комнате мастерской.

— Что с ней стало?

Марта Адольфовна опустила глаза.

— Исчезла.

— Когда?

— Осенью девяносто пятого.

— После смерти вашего отца?

— Через несколько недель.

— Взлом?

— Нет.

— Кто имел доступ?

— Я. Один старый ученик отца. Дворник. Иногда приходили прежние заказчики за оставленными вещами.

— Вели записи?

— Отец вёл журнал.

— Сохранился?

Женщина некоторое время молчала.

— Возможно.

Она ушла в соседнюю комнату.

Лебедев тихо сказал:

— Значит, убийца мог получить форму восемнадцать лет назад.

— Или совсем другой человек получил её восемнадцать лет назад.

— Слишком большая подготовка.

— Именно поэтому не называйте его убийцей раньше времени.

Марта Адольфовна вернулась с тонкой книгой.

Кожанный переплёт потрескался.

Соболев начал листать страницы.

Фамилии.

Даты.

Описание заказов.

В сентябре 1895 года несколько записей были сделаны уже другим почерком — вероятно, дочерью.

Одна строка оказалась густо перечёркнута.

Не просто зачёркнута.

Поверх фамилии несколько раз провели пером так, чтобы прочесть её было невозможно.

— Кто это сделал? — спросил Соболев.

— Не знаю.

— Ваш почерк?

— Нет.

— Отца?

— Тоже нет.

Соболев поднёс страницу к окну.

Под чернилами проступало начало фамилии.

Или имени.

Первая буква читалась достаточно ясно.

М.

Лебедев наклонился.

— М.

Соболев закрыл блокнот.

— Этого пока мало.

— У нас есть лупа.

— Не сейчас. Заберём страницу на исследование.

Марта Адольфовна беспокойно посмотрела.

— Вы думаете, этот человек украл форму?

— Пока не знаю. Вы помните посетителя, записанного здесь?

— Нет.

— Подумайте.

Она нахмурилась.

— Был один мужчина.

— Когда?

— После смерти отца. Пришёл специально спрашивать о Радовичах.

Соболев подался вперёд.

— Как выглядел?

— Молодой. Худой. Очень бледный. Может, лет тридцать.

— Русский?

— Говорил по-русски прекрасно, но иногда в произношении появлялось что-то иностранное.

— Представился?

— Нет.

— Что хотел?

— Спрашивал про маску Софьи.

— Откуда знал, что она существовала?

— Не сказал.

— Вы ответили?

— Сказала, что отцовских вещей почти не осталось.

— Про форму?

— Нет.

— Но форма тогда уже пропала?

— Да.

— Он вам поверил?

Марта Адольфовна покачала головой.

— Улыбнулся и сказал странную фразу.

— Какую?

Женщина несколько секунд вспоминала.

— «Лицо всё равно возвращается туда, где его помнят».

Лебедев перестал писать.

Соболев спросил:

— Больше ничего?

— У него выпала фотография.

— Какая?

- Мальчик.
- Возраст?
- Лет десять или двенадцать.
- Кто?
- Не знаю.
- Похож на кого-нибудь?
- Не запомнила.
- Одежда?
- Кажется, матросский костюм.
- Что-нибудь на обороте?
- Не видела.
- Лицо мужчины помните?
- Плохо.
- Особые приметы?

Марта Адольфовна задумалась.

- Глаза.
- Что с ними?
- Очень светлые.

Соболев записал.

Эта деталь могла означать всё.

И ничего.

- Ваш отец рассказывал, зачем князю понадобилась маска?

Женщина посмотрела на фотографию.

- Однажды.
- Что сказал?

— Что князь хотел сохранить лицо дочери «на случай, если от неё останется только голос».

В комнате стало тихо.

Лебедев первым нарушил молчание:

- Именно так?
- Я запомнила. Мне тогда было страшно.

Соболев спросил:

- Отец считал князя сумасшедшим?
- Нет.
- Почему?
- Он боялся его.
- Это другое.
- Для моего отца — нет.

Уже на улице Лебедев догнал Соболева.

- Теперь всё сходится.
- Что именно?

- Маска Доремецкого. Оригинальная форма сохранилась. Кто-то украл её в 1895 году.

Значит, убийца мог сделать новую отливку когда угодно.

- Это объясняет маску.
- Разве мало?
- Для одного элемента второго убийства — достаточно.
- А мужчина с буквой «М»?
- У нас нет мужчины с буквой «М».
- Есть зачёркнутая запись.

— Именно.
— И неизвестный посетитель.
— Без имени.
Лебедев вздохнул.
— Когда-нибудь вы позволите мне угадать раньше вас?
— Позволю, если угадаете правильно и сможете доказать.
Они сели в экипаж.
— Теперь Фаренгоф?
— Теперь Фаренгоф.
— Значит, четвёртый.
Соболев посмотрел на него.
— Да.
— И что бы ни значило его «Слушай», он должен знать.
— Скорее всего.
— Вы думаете, он заговорит после смерти Светозарова?
— Думаю, теперь они все будут говорить немного больше.
— Но всё равно не всё.
— Потому что боятся не только убийцы.
— А чего?
Соболев вспомнил письмо Софьи.
«Не открывай, если услышишь мой голос с другой стороны».
— Того, что произошло в 1883 году.
Фаренгоф ждал их.
Он стоял у окна кабинета, хотя шторы были плотно задёрнуты.
На столе лежала закрытая деревянная коробка.
Цифра четыре была выжжена на крышке.
— Не подходите, — сказал инженер, когда Соболев направился к столу.
— Почему?
— Я не знаю, что в ней ещё может быть.
— Вы уже открывали.
— Один раз.
— Значит, второй ничего не изменит.
Соболев открыл коробку.
Медальон.
Портрет Софьи.
Цифра четыре.
На внутренней стороне крышки одно слово:
СЛУШАЙ.
Соболев посмотрел на Фаренгофа.
— Что вы должны услышать?
— Не знаю.
— Знаете.
Инженер вытер лоб платком.
— Мне нечего рассказывать.
— Тальберг тоже молчал.
Фаренгоф вздрогнул.
— Доремецкий молчал. Светозаров начал говорить слишком поздно.
— Платон говорил?
— Да.

— Что?
— О ролях.
Фаренгоф закрыл глаза.
— Чёрт бы его побрал.
— Уже поздно.
Инженер сел.
— Как он умер?
— Подо льдом Невы.
Фаренгоф медленно открыл глаза.
— Нет.
Снова то же слово.
Как у Эльснера.
— Почему вы все отвечаете одинаково?
— Потому что вода была его частью.
— Ролью?
Фаренгоф ничего не сказал.
— Ваша роль связана со звуком?
Теперь он посмотрел прямо на Соболева.
— Откуда?
— Вы инженер. Князь распределил обязанности. На медальоне написано «Слушай». Не самое сложное предположение.
Фаренгоф некоторое время молчал.
— Да.
— Что вы делали?
— Следил за акустикой.
— В усадьбе были голосовые трубы?
Лицо инженера снова изменилось.
— Кто вам рассказал?
— Значит, были.
— Старые коммуникационные каналы. В некоторых комнатах.
— С их помощью можно было передавать голос из одного помещения в другое?
— Да.
— И заставить человека думать, что голос идёт из-за стены?
— Если не знает устройства дома — легко.
Лебедев посмотрел на Соболева.
Женский голос.
Три удара.
Комната под домом Светозарова.
Получалось первое рациональное объяснение.
Но Соболев не почувствовал облегчения.
— На последнем сеансе использовали трубы?
Фаренгоф ответил после долгой паузы:
— Да.
— Для обмана?
— Сначала мы думали — для опыта.
— Кто говорил в трубы?
— Не знаю.
— Вы отвечали за звук и не знаете?
— Я должен был убедиться, что каналы открыты. Не выбирать того, кто будет говорить.

— Что вы слышали?
Инженер посмотрел на медальон.
— То же, что остальные.
— Что именно?
— Голос.
— Софьи?
— Нет.
Соболев замер.
— Мужской?
Фаренгоф побледнел.
— Да.
— Эльснер слышал его из уст Софьи.
— Эльснер находился ближе.
— А вы?
— Я слышал его из стены.
— Один и тот же голос?
— Думаю, да.
— Чей?
Фаренгоф посмотрел на него.
— Девятого.
Соболев подался вперёд.
— Назовите имя.
Инженер покачал головой.
— Нет.
— Вы знаете?
— Знаю.
— Он умер той ночью?
Фаренгоф сжал пальцы.
— Да.
— До Софьи или после?
Инженер резко поднял взгляд.
И тут же отвёл.
Соболев понял.
— До.
Фаренгоф прошептал:
— Не заставляйте меня продолжать.
— Именно продолжать вам и придётся.
Инженер вдруг поднялся и подошёл к стене.
— Вы слышите?
Соболев прислушался.
Ничего.
— Что?
— Вот именно.
— Не понимаю.
— В доме слишком тихо.
Лебедев посмотрел на него.
— Это плохо?
Фаренгоф повернулся.
На его лице был страх.

— После медальона я слышу её каждый час.

— Кого?

— Софью.

— Где?

— В стене.

Соболев подошёл.

— Что она говорит?

Инженер ответил не сразу.

— Пока только моё имя.

— Кто-нибудь ещё слышал?

— Нет.

— Слуги?

— Нет.

— Значит, возможно, слышите только вы.

— Вы думаете, я схожу с ума?

— Я думаю, что вы три дня не спите и ждёте смерти.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Фаренгоф подошёл к письменному столу и открыл верхний ящик.

Достал маленький лист бумаги.

— Это появилось утром.

Соболев взял через платок.

На бумаге было написано:

«ЧЕТВЁРТЫЙ УСЛЫШИТ, КОГДА ОСТАНЕТСЯ ОДИН».

— Где нашли?

— Под подушкой.

— Кто имеет доступ в спальню?

— Слуги.

— Проверяли?

— Все клянутся, что ничего не клали.

Соболев передал лист Лебедеву.

— Теперь вы понимаете, почему я не остаюсь один?

— Да.

Фаренгоф посмотрел на него.

— Вы можете оставить людей?

— Оставлю.

— Сколько?

— Достаточно.

— А сами?

— Завтра поедем в усадьбу Радовичей.

Инженер побледнел.

— Не надо.

Соболев остановился.

— Почему?

— Там ничего нет.

— Тогда вам нечего бояться.

— Вы не понимаете.

— Сегодня эту фразу мне говорят слишком часто.

Фаренгоф схватил его за рукав.

- Не спускайтесь в старую часть подвала.
- Почему?
- Потому что голосовые трубы сходились именно там.
- И?

Фаренгоф долго смотрел на него.

- В последнюю ночь один из каналов заговорил сам.

Лебедев нахмурился.

- Что значит «сам»?
- Мы перекрыли его. Я лично.
- А голос продолжался?
- Да.
- Чей?

Фаренгоф отпустил рукав Соболева.

- Софьи.
- Но она была с вами?
- Именно.

В кабинете стало тихо.

Соболев спросил:

- Что она говорила?

Фаренгоф опустил голову.

- Просила не открывать девятую дверь.

Соболев медленно выпрямился.

Вот они снова вернулись к двери.

Не к убийствам.

Не к современному спектаклю.

К 1883 году.

- Где она находится?
- Фаренгоф поднял глаза.
- Если бы мы знали, всё было бы иначе.
 - Значит, вы её не видели?
 - Видели дверь.
 - Где?
 - В подвале.
 - И она была девятой?
 - Так называл её князь.
 - Почему?

Инженер покачал головой.

- Не знаю.
- Что находилось за ней?

Фаренгоф прошептал:

- Вот этого мы и не должны были узнать.

Соболев взял пальто.

- Завтра утром едем в усадьбу.
- Я с вами не поеду.
- Я вас и не приглашал.

У двери он остановился.

— Константин Юльевич, до утра возле вас будут находиться два человека. Ещё двое — снаружи. Никуда не выходите без сопровождения. Не пользуйтесь лекарствами, которые не проверит врач. Не открывайте окон.

Фаренгоф посмотрел на медальон.

— А если услышу голос?

Соболев ответил:

— Не отвечайте.

Инженер усмехнулся.

— Именно это Софья сказала нам тридцать лет назад.

Соболев задержался.

— Когда?

— Перед последним сеансом.

— Точные слова?

Фаренгоф медленно произнёс:

— «Если услышите меня там, где меня нет, не отвечайте. Потому что это уже буду не я».

На этот раз даже Лебедев ничего не сказал.

Они вышли из дома.

У экипажа он наконец спросил:

— Вы ему верите?

— В чём именно?

— Что голос звучал из закрытой трубы.

Соболев посмотрел на тёмные окна дома.

— Я верю, что он помнит именно так.

— А завтра?

— Завтра посмотрим место, где эта память появилась.

Лебедев уже сел в экипаж.

Соболев задержался на ступеньке.

В одном из окон второго этажа шевельнулась штора.

За стеклом на мгновение показалось женское лицо.

Бледное.

Очень молодое.

С тёмными волосами.

Соболев резко поднял голову.

Лицо исчезло.

Он вернулся к двери и почти столкнулся с выбежавшим навстречу слугой.

— Что случилось?

— Ничего, Дмитрий Петрович.

— Кто находится на втором этаже?

— Никого.

— Фаренгоф?

— В кабинете, на первом.

— Женщины в доме?

— Кухарка и горничная. Обе внизу.

Соболев поднялся.

Комната, в окне которой он видел лицо, оказалась спальней Фаренгофа.

Пустой.

Окно закрыто.

Шторы неподвижны.

Лебедев вошёл следом.

— Что вы увидели?

Соболев не ответил.

На подоконнике лежал маленький кусочек белого гипса.

Он взял его через платок.
Одна сторона была шероховатой.
Другая — гладкой и слегка выпуклой.
На гладкой поверхности сохранилась тонкая линия.
Похожая на край человеческих губ.
Лебедев посмотрел.
— Маска?
Соболев ничего не сказал.
Он подошёл к окну.
Во дворе никого не было.
А на стекле с внутренней стороны медленно проступал влажный отпечаток ладони.
Небольшой.
Женский.
Пять пальцев.
Ладонь держалась несколько секунд.
Потом начала исчезать.
Соболев смотрел, пока не осталось только мутное пятно.
И лишь тогда сказал:
— Завтра едем к Радовичам...

ГЛАВА

VI

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

«Есть дома, которые разрушаются от времени. Есть другие — они просто перестают принадлежать живым».

Из записок доктора А. Н. Вельского, 1890 год

К усадьбе Радовичей выехали ещё до рассвета.

Соболев выбрал ранний час не из-за зимней дороги и не потому, что рассчитывал застать кого-нибудь врасплох. Последние дни слишком многое происходило именно тогда, когда следствие объявляло о следующем шаге. Кто-то знал, где он бывает. Кто-то следил за домом. Кто-то сумел оставить медальон в его кабинете.

Поэтому теперь Соболев предпочитал сначала ехать, а потом сообщать куда.

Лебедев сидел напротив, прикрыв глаза. На коленях у Соболева лежала папка с копией письма Софьи, фотографией Круга, схемой усадьбы и выписками из показаний Эльснера, Светозарова и Фаренгофа.

Особенно его интересовал план дома.

Главный корпус.

Два флигеля.

Оранжерея.

Конюшни.

Кладовые.

Подвалы.

Никакой комнаты для сеансов.

И никакой Девятой двери.

Соболев уже привык, что в этом деле число девять появлялось раньше объяснения.

Девять собраний.

Восемь пронумерованных ролей.

Софья.

Неизвестный мужчина, которого участники Круга сознательно исключили из воспоминаний.

И дверь, о которой говорили все, но которой не существовало ни на одном плане.

Лебедев открыл глаза после особенно сильного толчка экипажа.

— Долго ещё?

— Около получаса.

— Вы сами хоть немного спали?

Соболев посмотрел на него.

— Начинаю подозревать, что вы ведёте отдельное расследование о моём сне.

— Если вы однажды уснёте во время допроса, отвечать перед Барятинским придётся мне.

— Тогда ваша тревога оправданна.

Лебедев поправил воротник.

— Я думал о Фаренгофе.

— Уже лучше.

— Если в усадьбе действительно были акустические трубы, часть того, что они принимали за мистику, могла быть устроена искусственно ещё тогда.

— Да.

— И сейчас кто-то использует те же приёмы.

— В некоторых случаях — несомненно.

— Но не всё.

Соболев поднял глаза.

— Что именно вас беспокоит?

— Голос возле вас в подвале Светозарова. Там мы не нашли трубы. Следы были настоящими. И женщина исчезла из комнаты без выхода.

— Пока не нашли трубы.

— Вы всё ещё считаете, что она там была?

— Я считаю, что слышал голос.

— А женщина?

— Это уже вывод.

Лебедев усмехнулся.

— Вы способны испортить даже привидение.

— Привидению от этого вреда не будет.

За окнами темнели леса.

Снег постепенно перестал идти.

Когда впереди появились ворота усадьбы, уже рассвело.

Кованая решётка висела на одной петле. Каменные столбы почернели от сырости и времени. На одном ещё угадывался родовой герб Радовичей, но часть камня была отбита так, что от щита остался лишь нижний фрагмент.

За воротами тянулась старая липовая аллея.

Снег лежал почти нетронутым.

Экипаж прошёл ещё немного и остановился.

— Дальше дорога плохая, — сказал кучер.

— Здесь останемся.

Они пошли пешком.

Главный дом постепенно вырастал за деревьями.

Левое крыло почти обрушилось.

Крыша центральной части провалилась.

Правый корпус сохранился лучше: два этажа, остатки балкона, несколько окон с уцелевшими рамами и широкая лестница перед входом.

— Пожар? — спросил Лебедев.

— В 1897 году.

— Через четырнадцать лет после Софьи.

— Да.

У крыльца они увидели человека.

Он вышел из-за бокового флигеля, ведя на верёвке старую собаку.

Высокий старик в овчинном тулупе остановился, увидев незнакомцев.

— Кто такие?

Соболев представился.

Старик снял шапку.

— Тимофей Савельевич Корженев. За усадьбой смотрю.

— Давно?

— Девятый год.

Лебедев коротко взглянул на Соболева.

Тот ничего не сказал.

— Кто вас нанял?

— Управление имуществом. Тут уж давно никто из хозяев не живёт.

— Кто-нибудь приезжает?

Корженев посмотрел на дом.

— Бывает.

— Кто?

— Любопытные. Молодёжь. Иногда городские приезжают — поглядеть.
— А ночью?
Старик не ответил сразу.
— Ночью нормальные люди сюда не ездят.
— Почему?
— Потому что ночью лучше спать.
— Вы здесь спите?
— Во флигеле.
— Значит, слышите дом.
Корженев поднял на него глаза.
— Иногда.
— Что именно?
— Разное.
— Например?
Старик долго молчал.
— Плач.
Лебедев спросил:
— Женский?
— Да.
— За последние дни слышали?
Корженев посмотрел уже внимательнее.
— Вчера.
Соболев приблизился.
— Когда?
— После полуночи.
— Откуда?
— Из главного дома.
— Вы проверили?
— Нет.
— Почему?
Старик пожал плечами.
— Девять лет прожил. Научился понимать, когда лучше не проверять.
— Что слышали кроме плача?
Корженев отвёл взгляд.
— Имя.
— Какое?
— Платон.
Лебедев замер.
Соболев спросил:
— Вы знали Платона Светозарова?
— Никогда не видел.
— Имя раньше здесь слышали?
— Нет.
— Что ещё сказала женщина?
Корженев помолчал.
— «Ты вспомнил».
Теперь и Соболев несколько секунд молчал.
— Кто-нибудь мог быть в доме?
— Я утром обошёл снаружи. Следов не было.

— Вы уверены?

— Снег чистый.

Соболев посмотрел на полуразрушенный корпус.

— Показывайте вход.

...

Внутри было холодно.

Не сильнее, чем на улице, но холод ощущался иначе — влажнее, тяжелее.

Пахло гнилым деревом, старой штукатуркой и затхлостью.

Каждый шаг отдавался по пустым комнатам.

Первые помещения ничего не дали.

Сломанная мебель.

Остатки картинных рам.

Обрушившаяся лепнина.

В одной комнате сохранилось старое пианино.

Лебедев подошёл и нажал клавишу.

Раздался глухой низкий звук.

Соболев посмотрел на него.

— Вы обязательно должны проверять всё пальцами?

— Иногда вещи отвечают.

— Эта только что ответила достаточно.

Дальше начинался коридор.

Три двери.

Одна сорвана с петель.

Другая открыта.

Третья заколочена досками.

Соболев сверился с планом.

— Кабинет князя.

— Почему заколотили?

— Узнаем.

Корженев, следовавший за ними, сказал:

— Так уже было, когда я приехал.

Доски сняли.

Кабинет сохранился лучше остальных помещений. Большой письменный стол, два шкафа, остатки ковра.

Пыль лежала толстым слоем.

Кроме одного места.

В центре стола виднелся чистый прямоугольник.

Небольшой.

Словно недавно здесь лежала книга или коробка.

Лебедев наклонился.

— Кто-то приходил.

— Да.

— Сторож?

Корженев покачал головой.

— Я сюда не захожу.

— Почему?

— Не нравится мне эта комната.

Соболев посмотрел на пол.

В пыли возле стола сохранилось несколько отпечатков.

Мужские ботинки.
Они вели от двери к столу и обратно.
— Свежие, — сказал Лебедев.
— Несколько дней.
— Кто-то что-то забрал.
— Или положил.
Под столом Соболев заметил тонкую полоску бумаги.
Поднял пинцетом.
Пустой обрывок.
Но на одном краю оставался след сургуча.
Тёмно-красного.
— Сохраните.
Они прошли в соседнюю комнату.
На стене висело большое овальное зеркало.
Стекло почернело по краям и треснуло сверху вниз.
Лебедев остановился.
— Похоже на то.
— На фотографию?
— Да.
Рама действительно была очень похожа.
Соболев подошёл.
В зеркале отражались они двое, разрушенная комната и тёмный дверной проём.
Ничего больше.
— Уже неплохо, — сказал Лебедев.
— Почему?
— Пока в отражении ровно столько людей, сколько перед ним.
Соболев собирался отойти.
В глубине зеркала что-то мелькнуло.
Белое.
Быстро.
За плечом Лебедева.
Соболев резко обернулся.
Пустая комната.
— Что?
— Ничего.
— Вы что-то увидели.
Соболев снова посмотрел в зеркало.
Только они.
— Возможно, свет.
Лебедев приподнял бровь.
— Я запомню этот день. Вы сказали «возможно».
Соболев присел.
Под зеркалом находилась круглая медная решётка.
— Вот это важнее.
Он снял её.
За стеной шла узкая металлическая труба.
Лебедев приблизился.
— Акустическая.
— Похоже.

— Фаренгоф говорил правду.
— По крайней мере об этом.
Лебедев наклонился.
— Есть кто-нибудь?
Его голос ушёл в глубину.
Через секунду пришло слабое гулкое эхо.
Соболев поднял голову.
— Не кричите.
— Почему?
— Мы не знаем, куда ведёт.
Лебедев хотел ответить, но из трубы донёсся звук.
Сначала шорох.
Затем шёпот.
Совсем тихий.
— ...не открывай...
Они оба замерли.
Слова повторились.
— ...не открывай...
Соболев наклонился к отверстию.
— Кто там?
Тишина.
— Ответьте.
Ничего.
Потом:
тук.
тук.
тук.
Три удара из глубины трубы.
Лебедев медленно выпрямился.
— Это уже начинает надоедать.
— Мне тоже.
— Кто-то здесь.
— Или был достаточно предусмотрителен, чтобы оставить устройство.
— Какое?
— Найдём.
Они проследили направление трубы.
Она уходила вниз.
...
Подвальный этаж сохранился лучше жилой части дома.
Каменные стены пережили пожар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.